

Станислав Стратиев

Римская купальня

Станислав Стратиев
Римская купальня
Комедия в двух действиях

www.stanislavstratiev.org

Римская купальня

© Станислав Стратиев, 1974. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2007. Все права защищены.

Перевод с болгарского Ника Глен, Мира Михелевич.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Антонов.

Доцент.

Марта, его невеста.

Георгиев, спасатель.

Цекон, подпольный экспортер икон, монет и древностей.

Диамандиев, посредник по продаже недвижимого имущества.

Гечев, активист ЖЭКа.

Режиссер.

Ведущий телепередачу.

Паркетчик, который разговаривает.

Паркетчик, который молчит.

Колонка по вызову такси.

Первый член комиссии.

Второй член комиссии.

Третий член комиссии.

Глухонемой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРОЛОГ

Городская улица. На углу – Колонка для вызова такси. Иван Антонов нервно нажимает кнопку вызова. Видно, что занимается он этим давно и безрезультатно. Возле Колонки – чемодан и дорожная сумка, из которой торчат ласты. Иван собрался в отпуск и катастрофически опаздывает на самолет – обстоятельство, которое в свою очередь может иметь катастрофические последствия.

И в а н. Алло! Алло! Диспетчер! Пришлите вы мне когда-нибудь такси?.. Да ответьте наконец! Хоть голос подайте!.. Алло! *(Дует в микрофон, как в телефонную трубку.)*

Колонка по-прежнему безмолвствует. Никаких признаков жизни.

Алло!.. Полчаса кричу "алло" – не отвечают. Я погиб... Все к чертям из-за этой проклятой колонки. *(Пинает ее ногой. Толку никакого – только ушиб ногу. Еще больше разъярясь, Иван принимается колотить Колонку.)* Тупая раскрашенная жестянка! Катись ты к...

К о л о н к а *(неожиданно отзывается)*. Эй ты, потише там! Ты что выражаешься? Не дома.

И в а н. Алло!.. Алло!.. Наконец-то! Вышлите такси, умоляю! Скорее! Как можно скорее!

К о л о н к а. Как же, дождайся... Он будет нас посылать подальше, а мы ему такси подавай!

И в а н. Очень вас прошу. Полчаса кричу "алло", а вы не слышите.

К о л о н к а. Почему не слышим? Слышим, не глухие.

И в а н. Я разволновался, ну и...

К о л о н к а. Разволновался... Тебе бы так ногой наподдать, ты бы что сказал?

И в а н. Товарищи! Милые! Вышлите такси! На самолет опаздываю! Товарищи!

К о л о н к а. Серый волк тебе товарищ. Такси ему! Научись вести себя как полагается, тогда и такси будет.

И в а н *(неволью начинает гладить Колонку)*. Извините, я не хотел вас обидеть, нервы, знаете ли...

К о л о н к а. У всех нервы. Да не все ездят на такси.

Иван обнимает Колонку, прижимается к ней щекой.

И в а н. Простите. Виноват. Пришлите такси. Пожалуйста! Ведь

опаздываю. А сегодня больше самолетов нет. Клянусь, больше никогда не буду!

К о л о н к а. Клянется... Из клятв шубы не сошьешь.

Иван смотрит на часы и снова приникает к Колонке. Одной рукой гладит ее, другой протирает носовым платком ее стекло.

И в а н. Товарищи! Братья! Умоляю! Такси!

К о л о н к а. Мы тебе не братья. У хулиганов братьев нету.

И в а н (*молитвенно складывает руки*). Умоляю! У меня путевка горит! На курорт лечу, к морю! Пропадает путевка!

К о л о н к а. Ну и пусть пропадает.

И в а н. Три года добивался. Мне все в январе давали. В январе не поплаваешь. А сейчас привалило счастье: начальник заболел, мне его путевка досталась. Войдите в положение: он может не сегодня завтра выздороветь...

Колонка молчит. Ни звука.

Товарищи! Опоздавших не принимают. Пропадет путевка. Вы меня слышите?.. Ну не сердитесь, простите. Хотите, я ее поцелую? (*Целует Колонку.*) Мы будем друзьями, уверяю вас. Забудем старое.

Иван обнимает, ласково гладит Колонку, сдувает со стекла пылинки. Мимо проходит Гечев, активист ЖЭКа.

Г е ч е в. Сколько же теперь развелось этих сексуальных маньяков! Ужас! Вот полюбуйтесь, этот – с колонкой. Как будто женщин не хватает. Добро бы еще где-нибудь, так нет же! Обязательно возле нашего ЖЭКа... А у нас соревнование по культурно-воспитательной работе... Из-за такого и проиграть недолго! (*Удаляется решительным шагом.*)

И в а н. Я ей с курорта открытку пришлю. Послушайте, кто старое помянет – тому глаз вон. Поговорим как люди.

Г е ч е в (*издали, сладким голоском*). Товарищ! Товарищ!

И в а н (*машинально, думая, что это говорит Колонка*). Товарищ!

Товарищ!.. А? (*Замечает Гечева.*) Что?

Г е ч е в. Товарищ, да вы идите к соседней колонке. Там полно свободных такси.

И в а н (*тут же бросается в указанном направлении*). Спасибо... Иду...

Г е ч е в. А чемодан? Чемодан забыли!

И в а н (*возвращается*). Ах да! Спасибо, товарищ. Большое спасибо. (*Хватает чемодан и убегает.*) Огромное!

Г е ч е в. Не за что. Счастливого пути! Всего наи-лучшего! (*Смотрит ему вслед.*) Пускай себе целуется с колонкой возле другого ЖЭКа. (*Уходит.*)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в квартире Ивана Антонова. Еще недавно здесь стоял у стены большой, набитый книгами шкаф. По стенам висели картины, на старинном буфете, сейчас повернутом торцом к стене, множество бутылок из-под виски разных марок. Иван коллекционирует пустые бутылки. Наверху на буфете – футляр от стенных часов, а сами часы валяются где-то среди мебели. Посередине комнаты стоял обеденный стол – низкий, массивный, удобный. На старинном, солидном письменном столе лежали книги, чертежи, эскизы, фломастеры всех цветов. Тут же находился телефон, настольная лампа с красивым абажуром из соломки. Висела гитара. Мы видим два удобных кожаных кресла, застланных пледами, тахту, покрытую мохнатым болгарским ковром приятного красного цвета...

Все в этом доме, в этой комнате дышало уютом и покоем.

Дышало, но больше не дышит...

Сейчас все здесь перевернуто вверх дном, сдвинуто с места, раскидано, скомкано.

Книги валяются на полу, ковер сбился, тахта стоямя прислонена к стене, телефон - неизвестно где, стулья громоздятся друг на друге...

А главное – посередине комнаты видна РИМСКАЯ КУПАЛЬНЯ, бассейн розового мрамора, по бортам украшенный мозаикой, изображениями купающихся матрон. Пол комнаты взломан еще в трех-четырёх местах. По дну бассейна ползает человек в парадном костюме, что-то рассматривает. Через зияющие в полу отверстия перекинуты доски. В глубине – высокий помост из металлических труб, к нему прислонены забрызганные известкой доски.

Через минуту-другую отсюда будет вестись телевизионный репортаж, кабели размотаны, камеры повернуты к римской купальне, горят юпитеры, аппаратура расставлена, Режиссер в кожаной куртке отдает последние распоряжения.

Р е ж и с с е р. Тишина! Больше – ни звука! Осталась одна минута.
Паркетчиков сюда!

Помреж вводит паркетчиков – от смущения они движутся как стреноженные, спотыкаются о кабели. Один из них в костюме и новой белоснежной сорочке, второй тоже в белоснежной сорочке, но без пиджака. Вид у обоих такой, будто их ведут на заклание.

Почему белая рубаха? Ведущий, у нас какая передача?

В е д у щ и й. Цветная.

Р е ж и с с е р. Так что ж ты напялил на него белую рубаху? Белое в цветной не смотрится. Убрать! Быстрее, у нас нет времени...

Паркетчик в белой рубахе растерянно поворачивает к двери, но ведущий успевает схватить его за шиворот и водворить обратно.

В е д у щ и й. Нельзя этого убрать. Он говорящий.

Р е ж и с с е р. А второй что – глухонемой?

В е д у щ и й. Нет. Но с этим отрепетировали. А тот неизвестно что нагородит. Впрочем, и у этого тоже язык отнялся.

Р е ж и с с е р. У нас нет времени! Сейчас начнется!.. Наденьте на него какой-нибудь пиджак! Быстрее!

Все в панике ищут, с кого снять пиджак. Выясняется, что все присутствующие без пиджаков и в белых рубашках. дверь открывается, и в комнату входит загоревший на курорте Иван. На нем голубая рубашка, в руках чемодан и сумка, из которой высыпаются ласты. Иван застывает на пороге, не может поверить своим глазам.

Начинаем, начинаем! (*Лихорадочно озирается, замечает Ивана, показывает на него своим помощникам.*) Вот с этого снимите! Цветная! Годится! Быстро!

Несколько человек бросаются к ошарашенному Ивану, срывают с него рубашку и натягивают на паркетчика. Голый по пояс Иван неподвижно стоит на пороге.

Внимание! Нас включают!..

На камерах загораются красные огоньки. В римской купальне на четырех стульях сидят, улыбаясь смущенной, натянутой улыбкой, оба паркетчика, человек в парадном костюме и Ведущий передачу.

В е д у щ и й. Дорогие товарищи телезрители! Мне выпало огромное счастье первому сообщить вам еще об одном выдающемся открытии нашей археологической науки: открытии, которое свидетельствует о том, как высок был уровень материальной и духовной культуры, процветавшей в былые времена на нашей земле. Найдена РИМСКАЯ КУПАЛЬНЯ ЭПОХИ ПОМПИЛИАНА! Первая полностью сохранившаяся римская купальня!.. О значении этого уникального открытия и о том, как оно было сделано, мы попросим рассказать его авторов, которые находятся сейчас здесь, рядом со мной, в самой римской купальне. Прошу вас.

Он поворачивается к паркетчику, облаченному в рубашку Ивана. Паркетчик оторопело смотрит на него и молчит. Ведущий обаятельно улыбается, придвигает микрофон поближе к нему.

П а р к е т ч и к. Трайчо Георгиев Дюлгеров, проживающий в Софии, улица Царя Бориса, семьдесят три. (*Умолкает.*)

В е д у щ и й. Да?

П а р к е т ч и к. Женат, двое детей...

В е д у щ и й. Вы ведь хотели нам рассказать о купальне, не так ли?

П а р к е т ч и к (*для храбрости взглянув на своего товарища*). Значит, подрядились мы, как водится, перестелить у гражданина пол. Кабы знать, какая из этого выйдет заваруха... Гражданин-то в отпуск собрался, на курорт, отдал нам, значит, ключи от квартиры...

В е д у щ и й. Простите, вы о купальне, о купальне...

П а р к е т ч и к. Ага, о ней. Мы, значит, старые доски сняли, потому они гнилые насквозь, подкопали, как полагается, чтоб засыпку сделать – шлак, то, другое... Опять чтоб, значит, не прогнили, и...

В е д у щ и й. Да-да?

П а р к е т ч и к. Ну, глядим – мозаика какая-то... ну... розовая такая...

Мишо (*кивком головы указывает на второго паркетчика, который кланяется*) и говорит: "Давай еще малость покопаем – может, клад какой выкопаем, чего не бывает..." Ну, мы и...

В е д у щ и й. Вы и?..

П а р к е т ч и к. ...покопали еще малость. Только оказался там не клад, а... (*Разводит руками.*) А Мишов зять... (*Кивает на Доцента.*) Правду сказать, он ему не зять еще, но вроде бы метит в зятья... Он и прослышь про это дело. Ну, про эту, которую мы раскопали... Потому что Мишо не удержался, дочери сболтнул... Ну и...

В е д у щ и й. И?..

П а р к е т ч и к. Не успели мы ее засыпать... Дознался.

В е д у щ и й. Большое вам спасибо. А теперь – вы, товарищ Ананиев.

Пожалуйста, несколько слов. Как научный сотрудник.

Д о ц е н т. Прежде всего разрешите, товарищи телезрители, попросить у вас прощения за то волнение, которое я испытываю. Оно вполне объяснимо. Впервые довелось мне сделать открытие такого масштаба.

Позволю себе без ложной скромности назвать мою находку уникальной.

Да, она уникальна, ибо нигде в мире не обнаружено столь хорошо сохранившейся купальни эпохи Помпилиана и Гая Луция. Она представляет собой мраморный бассейн размером три на четыре с характерным для того времени мозаичным изображением римских матрон, солнца и девиза Помпилиана: "Всегда и до конца!" Все это выполнено с поистине удивительным мастерством. Не может не потрясти поразительный вкус, проявленный неизвестным художником, принадлежащим, вне всякого сомнения, к школе Марка Антония Октавиана – прославленной школе, создавшей много изумительных творений. На мой взгляд, ценность этой находки равна, а быть может, и многократно превосходит ценность фракийской гробницы в Казанлыке. До сего дня

наука полагала, что купальни этого периода уничтожены варварами и безвозвратно потеряны для человечества. В Риме, Калифорнии и Британском музее хранятся отдельные куски такого рода купален и фрагменты мозаики, которые лишь предположительно можно отнести к эпохе Луция и Помпилиана. Бесспорных научных доказательств на этот счет нет. Тогда как здесь, перед нами, римская купальня в целостности и сохранности. Наполни ее водой – и купайся. Нет ни малейшего сомнения в том, что последующие раскопки в кухне, а возможно, и в туалете порадуют нас новыми приятными неожиданностями, и мы...

Услышав о раскопках в кухне и уборной, Иван не выдерживает и кидается к Доценту.

И в а н. Нет! Кухню не трогайте! Хоть кухню оставьте!

Суматоха. Камеры мгновенно отъезжают от бассейна, к Ивану подбегают, пытаются увести, он отбивается.

Р е ж и с с е р. Студия! Студия! Дайте музыку! заставка – пейзаж с озером и лебедями.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Иван сидит, обхватив голову руками, в своей развороченной, разрытой комнате. Перед ним – розовый бассейн. Смеркается. Все разошлись, Иван один.

И в а н (*встает, бродит по комнате, то подбирая, то раскидывая ногой раскиданные вещи*). Да, привалило счастье! Нигде в мире нету, а у меня в квартире – поди ж ты! – нашли! Буду теперь жить, как римский император. (*Подтаскивает поближе тахту, рассматривает бассейн.*) А матроны ничего, симпатичные... Этот Помпилиан, видно, был не дурак. (*Прохаживается по комнате.*) Столько лет хожу мыться в баню, а у меня, оказывается, под самым носом...

Неожиданно загорается свет. Иван оборачивается. В комнату вошел Доцент.

Д о ц е н т (*строго*). Кто вы такой? Что тут делаете?

И в а н. Я тут живу. Родное гнездо. Отчий дом. А вам что тут надо?

Д о ц е н т (*недовольно хмурится*). Ах да, я совсем забыл! Вы Иван Антонов?

И в а н. Да, я. Не станете же вы уверять, что Иван Антонов – это вы?

Д о ц е н т. Я Ананиев. Доцент Ананиев.

И в а н. Доцент – это имя?

Д о ц е н т. Нет, научное звание. Имя у меня другое.

И в а н. У меня один приятель назвал Доцентом своего пса. В отместку какому-то доценту, который каждый раз срезал его на технологии металлов. Умница – второго такого нету.

Д о ц е н т (*без иронии*). Кто? Доцент?

И в а н. Нет, пес. Так что приятель мой промахнулся: хотел обидеть доцента, а обидел пса.

Д о ц е н т. А он бы послал на экзамен пса – тот бы с первого раза сдал. У вас случайно собаки нет?

И в а н. А вам что – тоже предстоит сдавать экзамены? Пожалуйста, могу подыскать подходящую. Впрочем, об этом – потом. Поговорим о купальне. Когда думаете ее переносить? Завтра с утра?

Д о ц е н т (*не сразу понимает, о чем речь*). Какую купальню?

И в а н. Вот эту. Римскую. Уникальную.

Д о ц е н т. Куда переносить?

И в а н. То есть как – куда? В музей. На всеобщее обозрение. Не собираетесь же вы открывать дом-музей у меня?

Д о ц е н т. Видите ли, транспортировка такого рода сооружений связана с большими трудностями. И – что еще важнее – с огромным риском. Это во-первых. А во-вторых, когда исследование находится в такой ранней стадии, как в данном случае, транспортировка вообще противопоказана. Мы не можем на это пойти.

И в а н. На что?

Д о ц е н т. На то, чтобы перенести римскую купальню куда бы то ни было. Мы не изучили еще состав и прочность связующего материала, мозаики, химическую структуру мрамора, не знаем, как он будет реагировать на изменения температуры, на коррозию.

И в а н. Не знаете?

Д о ц е н т. Пока нет. Мы не успели также изучить климатические и температурные особенности вашей квартиры – возможно, воздух здесь содержит какие-то особенные бактерии, которые обеспечивают сохранность... Ну знаете, вроде тех "бацилос булгарикос", благодаря которым получается болгарская простокваша...

И в а н. Так-так. Дальше?

Д о ц е н т. Не исключено, что, если мы вынесем купальню на воздух, она обратится в прах. Ведь сколько столетий...

И в а н. А вы перенесите ее к себе домой. Может, и там есть бактерии?

Д о ц е н т (*снисходительно улыбается*). Извините, это уже несерьезно. Не научный разговор...

Иван в задумчивости бродит по комнате.

И в а н. Значит, в ближайшее время вы ее отсюда не уберете?

Д о ц е н т. Весьма возможно, что мы вообще ее тут оставим.

И в а н. А можно напустить туда воды?

Д о ц е н т (*в ужасе*). Воды? Зачем?!

И в а н. Купаться. Если уж у меня в комнате бассейн, хоть использую его по назначению.

Д о ц е н т. Но это преступление! Мы еще не изучили...

И в а н. Ладно. Купаться – тоже преступление. А тахту я туда могу поставить?

Д о ц е н т. Какую тахту?

И в а н. Полуторную.

Д о ц е н т. Ни в коем случае.

И в а н. Почему? Думаете, не поместится?

Д о ц е н т. Я вижу, вы просто не понимаете, какую ценность представляет собой эта купальня.

И в а н (*ходит по комнате*). А письменный стол?

Д о ц е н т. Тогда уж – электрическую плиту "Мечта домохозяйки".

Картошку будете жарить, котлеты... Что еще нужно для полного счастья?

И в а н. Хорошо, вы правы, но где же мне жить?

Д о ц е н т. Что значит – где жить? Не понимаю.

И в а н. Где спать? Работать? Пить чай? Играть на ги... Кстати, где моя гитара?

Д о ц е н т. За книжным шкафом.

Иван ошалело смотрит на него, подходит к шкафу. Вытаскивает из-за него только обломок гитары.

Это уже не по моей части.

И в а н. Не по вашей. А где я буду детей растить?

Д о ц е н т. Ну вот – теперь еще дети. Насчет детей ничего вам сказать не могу. Это личное дело каждого. Ваши дети, вы и думайте. Впрочем, думать мало. Надо действовать. Во всяком случае, для того чтобы появились на свет. Ваши, если не ошибаюсь, еще не появились. И вообще, Антонов, наука требует жертв. Научный прогресс немыслим без жертв.

И в а н. Вы научный работник, вы и жертвуйте. Я к науке никакого отношения не имею. А вас она кормит. Почему-то всегда требуют жертв от других.

Доцент молчит, снисходительно улыбаясь.

Вы еще собирались вести раскопки в кухне, в уборной. А мне что прикажете? Дематериализоваться?

Д о ц е н т. Вы ставите личные интересы над общественными, Антонов. Это эгоизм. Если мы переместим отсюда купальню, общество понесет значительно большие потери, чем вы. Найдите себе другое жилье, сейчас столько строят, вся Болгария – грандиозная строительная площадка. Наука не может пойти на такой риск – тронуть с места эту уникальную находку.

И в а н. Значит, наука рисковать не может?

Д о ц е н т. Нет.

И в а н. Тогда рискну я.

Д о ц е н т. То есть?

И в а н. Вышвырну ее на улицу, и дело с концом. *(Прыгает в купальню.)* Разломаю на куски. Молотком, топором, дрелью. Подумаешь! Не я первый буду в Болгарии, не я последний.

Д о ц е н т. Вы варвар!

И в а н. Пускай. Но в своем собственном доме. Кстати говоря, терпеть не могу, когда гости засиживаются допоздна. Я рано ложусь. С курами, как говорится. Дверь в коридор – налево.

Иван идет в кухню. Доцент нервно закуривает. Иван возвращается.

И в а н. Вы еще здесь?

Д о ц е н т. Если я правильно понял, в ваших словах содержался некий намек.

И в а н. Совершенно верно. Содержался. Намек, что пора покинуть мой дом. Без спросу ворвались, разрыли, переломали мебель, перевернули все вверх тормашками... И меня же еще называют варваром! Проваливайте отсюда.

Д о ц е н т. Этот дом уже не только ваш.

И в а н. А чей же? Не ваш ли?

Д о ц е н т. Он принадлежит обществу. Таких домов тысячи, сотни тысяч, а римская купальня эпохи Помпилиана – одна.

И в а н. Катитесь отсюда со своей купальней.

Д о ц е н т. А вы возьмете и разрушите ее. Сегодня же ночью. И поставите нас перед свершившимся фактом. Нет уж, благодарю.

И в а н. Почему ночью? Сейчас же возьмусь за дело и в полчаса разломаю на куски. А потом буду пересылать вам ее по почте – по кусочку в день. Вам какими – помельче или покрупнее? Размеры – по желанию клиента.

Д о ц е н т. А потом я вам буду посылать сигареты.

И в а н. Куда?

Д о ц е н т. В место заключения. Марка сигарет – по желанию клиента. Человечество никогда мне не простит, если я позволю уничтожить, быть может, последнюю купальню эпохи Помпилиана. Подумайте, Антонов, она будет навсегда потеряна для человечества. Подумайте о человечестве!

И в а н. Вы, значит, думаете обо всем человечестве? А об отдельном человеке кто подумает? О том самом, из которых и состоит человечестве! Мне осточертело уже! Все заботы – о человечестве, а до человека никому и дела нет. Так куда легче, а? Человечество – понятие абстрактное. Это всегда кто-то другой или другие, только не тот, кто рядом, кому от тебя что-то нужно. А я кто? По одну сторону – все человечество, четыре миллиарда душ, а по другую – один Иван Антонов. Он вне человечества, потому что в его квартире нашли римскую купальню!

Д о ц е н т. Это софистика.

И в а н. А вот это – выход на улицу. (*Указывает на дверь.*)

В эту минуту дверь распахивается, и в комнату входит Марта, невеста Доцента.

М а р т а. Добрый вечер.

И в а н. Здравсте, здравсте.

М а р т а (*к Доценту*). Ты сказал, что мы будем одни.

И в а н. О-о-о!

М а р т а. А зачем тут этот человек? Это твой друг?

И в а н. Закадычный. Друг детства и юности. Иван Антонов.

Д о ц е н т. Его действительно зовут Иван Антонов, но никакой он мне не друг.

М а р т а. Тогда что он тут делает так поздно?

И в а н. Представьте себе, я тут живу.

М а р т а. Как это – живете?

И в а н. Очень просто. Сплю, ем яичницу с брынзой, работаю, иногда влезаю на буфет и оттуда прыгаю на тахту. Но не слишком часто, а то пружины не выдерживают.

М а р т а. Я думала, дом перешел государству. Ты же сказал, что...

Д о ц е н т (*нервно*). Да, да, я предпринял необходимые шаги, но... у нас все так медленно... бюрократ на бюрократе...

М а р т а. Ты сказал, что владелец квартиры получил...

И в а н. Что? Что он получил?

Д о ц е н т. Марта, не сейчас. Я тебе все потом объясню.

И в а н. Нет, нет, нет! Я хочу знать, что он получил! Да что же это делается? Уехал на двадцать дней в отпуск и... (*Взмахивает рукой.*) Как это – перешел государству? Не мешало бы спросить и меня...

М а р т а. Эта твоя римская купальня начинает мне действовать на нервы. С тех пор как ты ее открыл, все идет кувырком...

И в а н (*обводя рукой комнату*). Именно кувырком.

М а р т а. Неделями не показываешься, днем и ночью торчишь в этом бассейне, я тебя просто не узнаю. Похоже, что эти римские матроны тебе дороже всего.

Д о ц е н т. Марта!..

И в а н (*с насмешкой, но сдержанно*). Я не мешаю?

М а р т а. Всех подозреваешь, всех боишься. Какие-то странные взгляды.

Д о ц е н т. Марта, сейчас не время и не место обсуждать мои взгляды.

И в а н. Главным образом – не время. Время, как вам известно, течет, час уже поздний, а я уже имел честь заметить вашему... не знаю точно, кем он вам доводится... что я ложусь рано. Можно сказать, с курами. Такая уж несовременная привычка. И спать я предпочитаю в одиночестве. Смешно, а? Неловко, знаете ли, раздеваться при посторонних.

Д о ц е н т. Перестаньте валять дурака. Вы где находитесь?

И в а н (*растерянно*). То есть как это – где?

Д о ц е н т. Подите погуляйте – погода прекрасная.

И в а н. Я не хочу гулять, я спать хочу. Сами идите гулять.

Д о ц е н т. Вы можете лечь в кухне.

И в а н. На плите?

Д о ц е н т. Поставьте там кресло.

И в а н. С какой это стати я буду спать на кухне в кресле, когда у меня есть комната и тахта?

М а р т а (*с досадой*). Ты мне обещал, что мы будем одни. Мы так давно не виделись! Ты сказал, сегодня мы будем совсем одни... Сделай что-нибудь.

Д о ц е н т. Товарищ Антонов, пошли бы вы в самом деле погуляли. Такой прекрасный вечер. Свежо. прохладно...

М а р т а (*ей неловко*). Пойдем отсюда.

Д о ц е н т. Если я уйду, он разнесет купальню.

И в а н. Разнесу.

М а р т а. Как это – разнесете? Уникальный памятник...

И в а н. А почему у меня комнату разнесли? Она тоже по-своему уникальная. У меня другой нету.

М а р т а. Но римская купальня...

И в а н. Да я ничего против нее не имею. Я счастлив, что она отыскалась не где-нибудь, а у меня в квартире. Горжусь, что не где-нибудь, а у нас в Софии такая единственная в мире купальня. Но только перенесите ее. Хотите – в музей, хотите – к себе домой. Мне жить негде. Дайте мне другую квартиру, и, хоть я здесь родился и мне было здесь приятно, уютно и спокойно, я принесу науке эту жертву. Но слоняться по улицам, когда у

меня есть свой, пусть и разворошенный, угол, – нет уж, благодарю покорно. Я сейчас уйду – но не спешите радоваться, только в уборную. (*Уходит.*)

М а р т а. Пожалуй, он прав! Почему ему не дадут квартиру?

Д о ц е н т. Кто ж ему даст? В наше время легче получить инфаркт, чем квартиру.

М а р т а. Но разве ваш институт не может...

Д о ц е н т. Наш институт занимается сооружениями, которым не меньше тысячи лет. Распределением жилплощади он не занимается.

М а р т а. А почему вы правда не перенесете ее куда-нибудь? В музей или в институт?

Д о ц е н т. Ты понимаешь, что ты говоришь? Только этого не доставало.

Наши киты моментально ухватятся за нее, а я останусь с носом. Один профессор напишет монографию, другой – научный доклад, третий полетит на конгресс в Рим... Нет, если я ее отсюда перенесу, моя находка уже не моя, а общая. Она в музее, она принадлежит всем, все, кому не лень, могут ею пользоваться. Нет, ни за что!

М а р т а. Но не может ведь он жить на улице!

Д о ц е н т. А можешь ты понять, что для меня означает эта римская купальня? Такой шанс выпадает раз в жизни! Упустил – все, конец!

М а р т а. Но ведь купальня – это...

Д о ц е н т. Купальня – это докторская диссертация, профессура, научные труды, конгрессы! Это Рим, Женева, Лондон, Мадрид! Звание члена-корреспондента двух-трех академий, почести, слава, деньги!.. Я эту купальню так выпотрошу, что... Только надо действовать! Энергично, немедленно! А этот Антонов путается у меня под ногами... Объясняйся с ним теперь... Откуда он только взялся?

М а р т а. Слушай, ты уж чересчур. В конце концов, это его квартира, и не он "откуда-то взялся", а мы.

Д о ц е н т (*не слушая*). Немедленно! Немедленно, пока меня кто-нибудь не обскакал...

Марта нежно зажимает ему рот ладонью. Потом кладет руки ему на плечи. Заглядывает в глаза.

М а р т а (тихо, ласково). Что с тобой? Ты будто ослеп. Неужели ты ничего, кроме этой купальни, не видишь?

Д о ц е н т (*думая о другом, не понимая ее*). Как не вижу? Конечно, вижу.

М а р т а (*нежно*). Посмотри на меня. Ты меня видишь?

Д о ц е н т (*не понимая подтекста*). Что за глупости! Конечно.

М а р т а. Нет, не глупости. Видишь меня?

Д о ц е н т (*раздраженно*). Я уже сказал: вижу. Зрение у меня в порядке.

Марта снимает руки с его плеч, отступает на несколько шагов. Оживление ее угасает.

М а р т а. А сейчас?

Д о ц е н т (*с досадой*). Марта!

М а р т а (*прыгает в купальню*). А сейчас?

Д о ц е н т. И сейчас тоже, у меня отличное зрение. (*По его тону мы чувствуем, что он не понимает важности этой минуты и, в сущности, ничего не видит.*)

М а р т а (*как бы про себя*). Он ничего не видит. (*Подходит к нему.*) Ты ослеп. С каких пор? Почему?

Д о ц е н т (*досадливо*). Перестань. Я не ослеп. Это что – анекдот такой?

М а р т а. Да, анекдот!

Выходит Иван в пижаме. Направляется к тахте.

И в а н. Я ложусь спать. Покойной ночи.

М а р т а. Он в самом деле будет тут ночевать?

Д о ц е н т (*раздраженно*). Сама видишь, какая ситуация...

М а р т а (*с горечью*). Эта ситуация продолжается скоро месяц. У тебя никогда нет для меня времени. Не звонишь, не приходишь... С той минуты, как ты открыл эту купальню, ты вообще про меня забыл, меня словно и на свете нет...

И в а н. Извините, я не могу уснуть. Разговоры, свет...

М а р т а. Каждый думает только о себе.

И в а н. Такая уж у меня странная привычка – ложась спать, выключаю свет.

М а р т а. Ты все время думаешь об этой купальне. Даже не о ней, а о тех перспективах, которые она перед тобой открывает...

Д о ц е н т. Марта, по-моему, ты преувеличиваешь. У тебя нервы...

И в а н. Это у меня нервы. Свет бьет мне в глаза.

Д о ц е н т. Ладно. Уступим капризам этого обывателя. (*Гасит лампу.*)

Марта, давай обсудим все спокойно. В темноте даже лучше.

М а р т а. Не хочу я ничего обсуждать. Ему все слышно.

И в а н. Совершенно верно.

М а р т а. Выйдем отсюда, поговорим где-нибудь в другом месте.

И в а н. У меня чертовски острый слух – слышу за километр.

Д о ц е н т. Марта, по-моему, ты недооцениваешь значения того, что происходит.

М а р т а. Ты думаешь только о себе.

Д о ц е н т. Я думаю о нас обоих.

М а р т а. Нет, только о себе. Сегодня бросаешь меня ради купальни, завтра бросишь ради какой-нибудь гробницы или разбитого горшка.

И в а н. Это уж как пить дать.

Д о ц е н т. А вы молчите, вас не спрашивают!

И в а н. Меня вообще не спрашивают. Всю квартиру изрыли – и то забыли спросить.

М а р т а. Я не могу так больше. Это уже не в первый раз. Вечно куда-то спешишь, вечно у тебя важные дела... А я – не мумия! Не могу я жить одними древностями...

Д о ц е н т. Марта, если бы ты рассуждала, как современный человек...

М а р т а. То есть как ты?

И в а н. Не рассуждай – мысль парализует действие.

М а р т а (*взглянув на Ивана, Доцента*). Пойдем куда-нибудь! Ну пожалуйста! Не разломает он твою купальню. (*К Ивану.*) Ведь правда не разломаете?

И в а н (*показывает на Доцента*). Послушайте, что он скажет.

Д о ц е н т. Разломает.

М а р т а. Нет, он даст честное слово. Дадите?

Д о ц е н т. Это смешно. Кто теперь верит честному слову?

М а р т а. Тогда выбирай: либо она, либо я.

Д о ц е н т. Ты не должна так ставить вопрос. Тебе известно...

М а р т а. Да, да, мне известно, что для тебя означает эта купальня. Но я же не заставляю тебя вообще от нее отказаться. Я только прошу пойти со мной куда-нибудь сегодня вечером. Я ведь тоже для тебя что-то значу?

Д о ц е н т. Сегодня я не могу.

М а р т а. Тогда всего хорошего! (*Уходит.*)

Д о ц е н т. Марта!..

И в а н. Красивая девушка. Я бы с ней обязательно пошел. Даже если купальня и сгнула ко всем чертям.

Д о ц е н т. Перестаньте трепаться! (*Нервно закуривает.*)

И в а н. Половая жизнь регулирует обмен веществ.

Д о ц е н т. Заткнитесь!

И в а н. В газете читал.

Д о ц е н т. Кретин!

И в а н. Неизвестно, кто из нас двоих. Побегу догоню ее. Провожу до дому. (*Торопливо накинув плащ, убегает прежде, чем ошеломленный Доцент успевает открыть рот.*)

Доцент нервно курит, сидя на раскладушке, которую поставил в купальне. Бой часов ударами молота отзывается в его голове. Проходит время - тик-так, тик-так!.. Доцент

гасит свет, продолжая курить в темноте. Появляется Иван, на цыпочках пересекает комнату. Направляется в кухню.

Д о ц е н т (*включая ночник*). Вы куда?

И в а н. А-а, вы еще здесь? Сидите, сидите в своей купальне.

Д о ц е н т (*подозрительно*). Куда вы идете?

И в а н. Проголодался. После этого всегда хочется есть. Заморю червячка. (*Открывает холодильник, достает кусок колбасы.*)

Д о ц е н т. После чего – этого?

И в а н. Честное слово, вы как ребенок. Все время задаете вопросы. Есть вещи, о которых с малолетними говорить не принято.

Д о ц е н т. Вы обязаны мне ответить.

И в а н. Это почему же? Вы что – исповедник? Или участковый?

Д о ц е н т (*с надеждой*). Вы ее не догнали.

И в а н. Вам-то какое дело? Вы предпочли ей римскую купальню.

Д о ц е н т. Я вам расквашу физиономию.

И в а н. Уйдите с моей дороги.

Д о ц е н т. Не становитесь у меня на пути, Антонов! От всех, кто пытался это сделать, оставалось мокрое место.

И в а н. Послушайте, а может, вы вовсе не доцент, а бульдозер?

Д о ц е н т. Я вас раздавлю, Антонов!

И в а н. Ух ты, даже мороз по коже! А по ночам вы тоже давите? Потому что я ложусь спать. (*Ложится, укрывается одеялом.*)

Д о ц е н т. Что у вас было с Мартой?

И в а н (*иронически*). Мы беседовали об искусстве.

Д о ц е н т. Объясните, что...

И в а н (*перебивая*). Утром объясню. Подробно, в картинках. А сейчас не мешайте спать. Покойной ночи.

Доцент гасит лампу. На сцене темно.

Комната Ивана Антонова. По-прежнему пол разрыт, мебель сдвинута, посередине – купальня, где на раскладушке спит Доцент. Над зияющими в полу отверстиями перекинута доска. Иван тоже спит. Входит Цеков, элегантно одетый человек средних лет, по всему судя многоопытный, успевший испробовать свои силы на многих житейских поприщах. Он озирается по сторонам, рассматривает купальню, обоих спящих, некоторое время колеблется...

Ц е к о в. Здравствуйте!

Молчание. Иван и Доцент не просыпаются.

Ц е к о в (*громче*). Доброе утро!

Никто его не слышит: Иван и Доцент спят.

Ц е к о в (*почти кричит*). Доброе утро!

И в а н (*подскакивает в постели*). А? Что?

Ц е к о в (*с любезной улыбкой*). Я сказал: "Доброе утро".

И в а н. Вы для этого меня и разбудили? Поздороваться?

Ц е к о в. Нет.

И в а н. А я думал, вам за это деньги платят – будить по утрам трудящихся и говорить им "Доброе утро". Новый вид бытовых услуг. Забота о человеке.

Ц е к о в. Нет. (*С видом знатока рассматривает купальню.*) Прошу прощения, это и есть уникальная римская купальня? Я не ошибся?

И в а н. А вы случайно не доцент? Потому что один тут уже спит.

Ц е к о в. К сожалению, не достиг таких высот. У меня среднее образование.

И в а н. Слава богу. Можно узнать, что вас привело? Среднее образование – повод недостаточный.

Ц е к о в. Мне нужен Иван Антонов, владелец квартиры. Можно его видеть?

И в а н. Иван Антонов? Это я. Пока что я. События развиваются так, что в любой момент можно ожидать любых перемен. Поэтому не теряйте времени.

Ц е к о в. Извините, бога ради, но вас тут двое... Вы, конечно, понимаете... Вы не можете предъявить какой-нибудь документ?

И в а н. Метрическое свидетельство?

Ц е к о в. Что вы, помилуйте! Достаточно паспорта. Поверьте, это в наших общих интересах.

И в а н. Вот так история... Ладно, так и быть – только потому, что вы не доцент... (*Показывает свой паспорт.*)

Ц е к о в. Бесконечно признателен. (*Тоже предъявляет паспорт.*) Цеков, искусствовед. Не сердитесь, такая уж у меня работа. Вынужден действовать наверняка. Этот человек – ваш друг?

И в а н. Нет, это доцент. Во всяком случае, так себя именует. Хорошо бы вам заглянуть и к нему в паспорт.

Ц е к о в. Не родственник вам?

И в а н. Еще чего! Он здесь из-за римской купальни ночует. Стережет. Боится, что я ее разнесу. Он ее, видите ли, открыл. Вернее, первый примчался, когда ее открыли.

Цеков на цыпочках подходит к спящему, осторожно приподнимает одеяло, заглядывает в лицо. И опять возвращается к Ивану.

Ц е к о в. Ананиев.

И в а н. Доцент Ананиев.

Ц е к о в. Мне бы хотелось, чтоб разговор наш остался между нами. Как вы думаете, он действительно спит?

И в а н. Кто его знает. Может, просто зажмурился.

Ц е к о в. На всякий случай будем говорить вполголоса. Если он вдруг проснется, скажите, я ваш двоюродный брат из Казанлыка.

И в а н. А если я спутаю Казанлык с другим городом?

Ц е к о в. Ну и на здоровье.

И в а н. Тогда порядок.

Ц е к о в. Судя по вашему виду, вы человек интеллигентный.

И в а н. Внешность обманчива.

Ц е к о в. Нет-нет, я вижу, вы интеллигентный человек, и поэтому ваше дело плохо. В каком вы положении? Дом разрыт, мебель переломана, посередине единственной комнаты – римская купальня...

И в а н. С матронами!

Ц е к о в. Матроны дела не меняют. Даже наоборот – усугубляют. Купальня – эпохи Гая Луция и Помпилиана, единственная сохранившаяся в мире. Уникальная! Так что не стройте иллюзий.

И в а н. Я и не строю.

Ц е к о в. Тем лучше. Купальня начнет привлекать к себе все больше внимания. Как Боянская церковь или Фракийская гробница. Ученые со всех концов мира налетят на нее как мухи на мед. Шутка сказать – школа Марка Антония Октавиана!..

И в а н. Постойте! Вы правда не доцент?

Ц е к о в. Помилуйте! Я окончил гимназию с семью тройками, одной четверкой и тремя переэкзаменовками. Если б не взятка, я бы и аттестата не получил. Сами понимаете, буржуазные порядки!.. Но это не суть важно. Важно другое: купальня будет объявлена памятником культуры мирового значения. Вмешается ЮНЕСКО, и тогда вы погибли.

И в а н. Вы думаете?

Ц е к о в. Уверен. Я ЮНЕСКО знаю – мертвая хватка. Поэтому я и сказал вам с самого начала: дело ваше плохо, ни малейших шансов на спасение. Начнут копать в кухне, в кладовке, в уборной...

И в а н. Нет! В уборной нет. Неужели? Даже в уборной?

Ц е к о в. Я по роду работы много лет соприкасаюсь с ЮНЕСКО. С ней шутки плохи. И с нашими голубчиками тоже. Разроют вашу уборную – глазом не моргнут, придется вам бегать в общественную. А вы, наверное, знаете, какая это радость...

И в а н. Кошмар!

Ц е к о в. Туалетной бумаги нет. Грязь. Кабины всегда заняты. Да что говорить – трагедия, настоящая трагедия.

И в а н (*кивает*). Да... (*Оборачивается, смотрит на Доцента.*) Кажется, зашевелился.

Ц е к о в. Так вот, в Казанлыке... (*Смотрит на Доцента.*) Повернулся на другой бок. Как вы думаете, спит или не спит?

И в а н. Кто его знает. От него всего можно ожидать.

Ц е к о в (*понаблюдав за Доцентом*). Нет, кажется, спит... И что всего ужаснее – они почти всегда на замке.

И в а н. Что – на замке?

Ц е к о в. Общественные уборные. Чуть ли не через день учет. Что учитывают, спрашивается? Или же выходной день. Представляете? Вы устремляетесь туда, у вас самые благородные побуждения, а там выходной день. Нет, это даже и представить себе невозможно!

И в а н. Да, перспектива... У меня даже мороз по коже.

Ц е к о в. Мороз что! Вас просто-напросто вышвырнут отсюда.

И в а н (*недоуменно*). То есть как это – вышвырнут?

Ц е к о в (*показывая*). Как приبلудного щенка.

И в а н. Думаете, и до этого дойдет?

Ц е к о в. Я вижу это, явственно вижу, могу описать в мельчайших подробностях.

И в а н. Мне дадут другую квартиру. Мне как-то компенсируют...

Ц е к о в (*смеется*). Антонов, вы интеллигент и, следовательно, ничего не смыслите в жилищных вопросах. Вас тошнит при слове "взятка", вы презираете подхалимаж, вы ни за что не согласитесь лизать начальство, от которого зависит ордер на квартиру. Скажите – согласитесь? Да или нет?

И в а н. С какой стати?

Ц е к о в. Если б вы торговали пивом или были снабженцем, тогда вам и горя мало. Переехали бы за город, на дачу, дышали бы чистым воздухом. Но вы – интеллигент, у вас и дачи-то нет. Скажите честно, есть у вас дача?

И в а н. Нету.

Ц е к о в. Вот видите, вы погибший человек. Поэтому, собственно, я и пришел. (*Оглядывается на Доцента.*) Погодите, вам не кажется, что у него одно ухо больше другого? Навострил – и подслушивает.

И в а н (*смотрит на Доцента*). Какое?

Ц е к о в. Которое ближе к нам.

И в а н. Мне не видно второе. Не с чем сравнивать.

Ц е к о в. Ну ладно. Итак, если в двух словах, положение следующее: квартиру у вас отбирают, и вы остаетесь на улице.

И в а н. Не может быть. В худшем случае мне предоставят другую.

Ц е к о в. В лучшем случае – пообещают. Обещания дают тысячами, а

жилье... Жилищный вопрос, Антонов, – это вопрос, на который вообще нет ответа!

И в а н. Но я...

Ц е к о в. Знаю, знаю. Вы будете добиваться, жаловаться, хлопотать, писать заявления, бегать по инстанциям. И снимать где-нибудь квартиру. Сотня в месяц, а если с лифтом, который, естественно, будет застревать между этажами, то и больше.

И в а н. Это почему же?

Ц е к о в. Так гласит закон. Надбавка за эмоции. Повисишь над бездной, попереживаешь, а за сильные переживания надо платить, все равно как за телевизор. Если окна на юг – надбавка, фундаментальная постройка – тоже надбавка, лифт – надбавка...

Доцент пошевелился. Бдительное око Цекова мгновенно заметило это. Он подмигивает Антонову, делает ему знаки, но тот ничего не понимает.

В Казанлыке у нас все живы-здоровы. Тетя велела кланяться. Спрашивает, когда приедешь, соскучилась...

И в а н. Какая тетя? Чья тетя?

Ц е к о в. Ну, братец, я пошел. До свиданья.

Иван оторопело смотрит на него, оборачивается, замечает Доцента и наконец понимает, в чем дело.

Пойдем, проводи меня, а то как бы мне на ваших столичных улицах не заплутаться.

Уходят. На улице останавливаются возле колонки для вызова такси. Цеков прислоняется к ней.

Заметьте, я ничего у вас не прошу. Наоборот – я даю.

И в а н. Что именно?

Ц е к о в. Антонов, вы интеллигентный человек, поэтому вам ничего не светит. Римская купальня вас погубит. Квартиру вы проиграли – это уже ясно. Выход один: превратить проигрыш в выигрыш.

И в а н. Каким образом?

Ц е к о в. Доверьтесь мне. На Западе умные люди, а там умный – это значит богатый, вкладывают миллионы в произведения искусства. Картины, иконы, античные статуи, амфоры... Цена на эти вещи никогда не падает. Напротив – повышается. Произведение искусства не просит ни есть ни пить, не состоит в профсоюзе, лежит себе смирненько в уголке и растет в цене. Что ни день – цена выше и выше. Цены сейчас, Антонов, такие –

голова кругом идет. А что в наше время человеку нужно? Деньги. Не в деньгах счастье? Может быть. Но и не в том, чтобы сидеть без денег. И в а н. Вы, кажется, собираетесь растолковать мне, в чем смысл жизни? Ц е к о в. Именно. Какой смысл торчать в этой разрытой квартире, которую будут рыть и дальше? Почему бы вам не поселиться на берегу Лаго ди Комо? Вы же интеллигентный человек!

И в а н. По-вашему, этого достаточно, чтобы поселиться на берегу Лаго ди Комо?

Ц е к о в. Для других недостаточно. Для вас – вполне. Знаете, Антонов, я уже вижу вас собственником виллы в Лаго ди Комо. Или в Швейцарии. С солидным счетом в банке. В Швейцарии тоже есть озера. Ничем не хуже, чем Лаго ди Комо.

И в а н. Что вы привязались с этим Лаго ди Комо? Как будто оно где-то под Софией. Как я туда попаду?

Ц е к о в (*озирается*). Вот перевезем купальню – и попадете.

И в а н. Перевезем купальню?! Прекрасно! Куда же?

Ц е к о в. За границу. В Италию. А там она перейдет в другие руки – вероятнее всего, к американцам. Самые крупные капиталы сейчас у них. Не волнуйтесь, уж для единственной в мире римской купальни эпохи Гая Луция и Помпилиана покупатель найдется. Тем более с матронами. За матрон мы с них отдельно сдерем. У них денег куры не клюют.

И в а н. Но как ее перевезти? Она ведь здесь! В квартире!

Ц е к о в. Именно благодаря тому, что она в квартире. Стоит ей попасть в музей – конец! Пиши пропало! Ее будут охранять – как государственную казну. Поэтому действовать надо быстро, пока они не очухались. К счастью, раскачиваются они медленно. Письма входящие, исходящие... В ответ на ваш номер такой-то... Наш номер такой-то... А мы с вами тем временем выкинем свой номер. Будьте спокойны... не первый раз такое проворачиваю. Половину, можно сказать, неолитических захоронений вывез из Болгарии. Да если собрать все фракийские гробницы, все предметы погребального культа, которые я сбыв за границу, такое кладбище получится – вообразить невозможно! Я б и римскую виллу, которую у нас в Родопских горах открыли, вывез бы, да опоздал – взорвали ее, и вывозить нечего.

И в а н. Значит, вы занимаетесь?..

Ц е к о в. Да. Произведениями искусства. Иконы, иконостасы, редкие книги, амулеты фракийских или римских времен... Что попадется. Но по сравнению с римской купальней, Антонов, это ничто. Жалкие крохи. Купальня – это куш. Миллион возьмем, и ни центом меньше. А потом махнем на Лаго ди Комо!

К о л о н к а (*неожиданно подавая голос*). Да хватит тебе! Лаго ди Комо,

Лаго ди Комо!.. Дальше-то что?

Ц е к о в (*испуганно озирается*). Это вы сказали? Мне слышался чей-то голос...

И в а н. Но ведь так, целиком, ее не вывезешь.

Ц е к о в. Мы ее разрежем. Как пирог.

И в а н. А вдруг она рассыплется?

Ц е к о в. Не рассыплется. Мы используем новейшие достижения мировой науки. Я получаю журналы, слежу... Люди целые храмы по частям перевозят, так неужто мы с купальней не справимся? Разрежем – и перевезем.

К о л о н к а. А если поймают?

Ц е к о в (*застывает на месте, озирается*). Опять тот же голос. Антонов, это вы говорите не своим голосом?

И в а н. Нет, не замечал за собой такого.

Ц е к о в. Кто-то спросил: "А если поймают?"

И в а н. Просто у меня мелкннула мысль...

Ц е к о в. При чем тут мысль? Я слышал голос.

И в а н. Что ни говорите, Цеков, римская купальня принадлежит государству.

Ц е к о в. Это почему же? Разве государство ее строило?

И в а н. Существует закон.

Ц е к о в. Знаю. А по какому закону разрыли вашу квартиру?

И в а н. Это произошло случайно.

Ц е к о в. Случайно ничего не бывает. Случайно только женятся.

Антонов задумался. Молчит. Цеков напряженно наблюдает за ним.

Только этого не хватало – щепетильность проявлять. А еще интеллигентный человек! Что вы так печетесь о какой-то купальне? О вас кто-нибудь печется? Сколько гробниц, сколько римских поселений погибло под бульдозерами, сколько некрополей взлетело на воздух, сколько античных театров перекопано – а он трясется над одной римской купальней! Да я для ее же блага. Мы-то с вами сохраним ее для человечества. Ее не разрушат, она будет красоваться в музее или, допустим, в частной коллекции. Мы спасем произведение искусства!

Подумайте об искусстве, Антонов! Если хотите знать, мы делаем благородное дело. За которое вдобавок хорошо платят – отчего оно становится еще благороднее. По пятьсот тысяч долларов на брата, а?

К о л о н к а. Простите, не расслышала. Сколько, вы сказали? По пятьсот тысяч? Долларов?!

Ц е к о в. Вот это да! Даже колонки – и те говорить научились.

И в а н. Ну, эта уже давно говорит.

Ц е к о в. Пойдемте-ка отсюда, а то, чего доброго...

К о л о н к а. Эй, двадцать процентов! Мне – двадцать процентов! И если можно – в швейцарских франках. Доллар очень неустойчив.

Ц е к о в. Медведь еще не убит, а она уже проценты выторговывает. Вот, Антонов, учитесь: колонка по вызову такси, а сообщает быстрее вас.

И в а н. Машина заменяет человека.

Ц е к о в (*встревоженно озирается по сторонам*). Подумайте, Антонов, не отказывайтесь. Это ваш единственный шанс.

К о л о н к а. Мы можем поехать на такси!

Ц е к о в. Ну, я испаряюсь. Забегу к вам еще. Ни на чьи предложения не соглашайтесь, вас облапошат. И поскорее решайте: время – валюта.

(*Убегает.*)

К о л о н к а. Эй, куда, куда?

Ц е к о в (*на бегу*). Куда надо!

Иван возвращается в свою разгромленную квартиру. Доцент бреется. Жужжит электробритва, гремит радио.

И в а н. Перед тем как вы отсюда навсегда уйдете, не забудьте оставить два пятьдесят. За ночлег. За римскую купальню надбавка десять процентов, как за оркестр в ресторане.

Д о ц е н т. Я не собираюсь уходить. Я только еще приступаю к работе.

И в а н. А если я вас выкину?

Д о ц е н т. Не выкинете. Я занимался дзюдо.

И в а н (*кричит*). По какому праву вы торчите у меня в доме?

Неприкосновенность жилища гарантируется конституцией!

Д о ц е н т. Прошу. Приказ о проведении раскопок. Раз. Приказ о расширении фронта работ – раскопках в кладовке и уборной. Два.

И в а н (*читает*). Даже печать на месте... Но ведь мой дом – это частная собственность!.. Как же так?

Д о ц е н т. Это исторический объект. И – если вы заметили – научным руководителем раскопок назначен я.

И в а н. Я буду жаловаться.

Д о ц е н т. Жалуйтесь. Два месяца уйдет на то, чтобы созвать ученый совет, который создаст комиссию по изучению вопроса. Месяц комиссия будет изучать вопрос и минимум еще два месяца составлять заключение...

И в а н. Два месяца?! Почему?!

Д о ц е н т. Потому что это маститые ученые, занятые люди, они в два дня не могут. Сегодня они здесь, завтра на конгрессе в Берлине, послезавтра на симпозиуме в Италии. Если выводы комиссии будут в вашу пользу, я их

опротестую – научно аргументированно, на шестидесяти страницах. Сначала мои возражения будет изучать комиссия, потом снова будет созван ученый совет...

И в а н (*раздраженно прерывает его*). А вы случайно не знаете, сколько лет дают за преднамеренное убийство? Если убийца сам приходит с повинной?

Д о ц е н т. Не советую. Организм у меня крепкий, группа крови самая распространенная. Покушение на убийство только затянет дело.

И в а н. А совесть у вас есть?

Д о ц е н т. Высшее образование и научная степень.

И в а н (*кричит*). Тогда дайте мне другую квартиру!

Д о ц е н т. Мы занимаемся лишь объектами старше тысячи лет.

И в а н. А кто занимается человеком средних лет, который хочет всего-навсего жить спокойно? Человеком кто занимается, а?

Д о ц е н т (*пожимает плечами*). Не знаю, это не моя область. Обратитесь в Горсправку.

В эту минуту в комнату входит Спасатель, сравнительно молодой человек.

С п а с а т е л ь. Простите, это здесь находится бассейн?

И в а н. Вон он.

Д о ц е н т (*строго*). Вам какой бассейн?

С п а с а т е л ь. Который по телеку показывали. Меня туда назначили спасателем.

Д о ц е н т. Кем-кем?

С п а с а т е л ь. Спасателем. При всех бассейнах, водоемах, водных пространствах и на пляжах положено иметь спасателей. Мы спасаем купающихся.

Д о ц е н т. Купающихся?

С п а с а т е л ь. Купающийся – наше самое большое богатство. Так записано в уставе нашей спасательной службы. (*Выходит на секунду.*)

Д о ц е н т (*ему вслед*). В этом бассейне никто купаться не будет.

С п а с а т е л ь (*вносит свернутый зонт и раскладной брезентовый стул*). Почему?

Д о ц е н т. И утонуть тут никто не может. Сами видите. Размеры не те.

С п а с а т е л ь. Бывает, и в тазу люди тонут. (*Бросает зонт на пол, садится на стул.*)

Д о ц е н т. Произошла ошибка. Это не плавательный бассейн, а римская купальня, памятник культуры многовековой давности...

С п а с а т е л ь. Приказ о назначении у меня в кармане. (*Хлопает себя по карману.*)

Д о ц е н т. Но ее вообще не будут наполнять водой. Предстоят научные исследования.

С п а с а т е л ь. Это дело не мое. Мое дело – спасать.

Д о ц е н т. Спасатель здесь вообще не нужен.

С п а с а т е л ь. А может, нужен!

Д о ц е н т. Это мы еще увидим!..

С п а с а т е л ь. Сейчас, когда сезон в разгаре, когда на повестку дня встал вопрос об обучении тысяч новых пловцов, вы хотите закрыть бассейн? Мы и так отстаем в этом виде спорта!

И в а н (*в ужасе*). Вы собираетесь обучать здесь пловцов?..

Д о ц е н т. В данном конкретном случае речь идет о...

С п а с а т е л ь (*прерывает его*). Дело не в конкретном случае. Дело в принципе. Попробуйте заикнуться, что вы хотите закрыть бассейн. Вас и слушать никто не станет. Римский он там или не римский – все едино. С бассейнами у нас очень туго.

Д о ц е н т. Увидим, увидим.

С п а с а т е л ь. Как другу говорю: не теряйте зря времени. В Монреале запланировано получить по плаванию десять золотых медалей.

Обязательство взяли.

Д о ц е н т. Я вам не друг. И Монреаль меня не интересует. А если нальете в бассейн хоть каплю воды – отдам вас под суд. Тогда вас никто не спасет. Моя фамилия Ананиев, доцент Ананиев, запомните хорошенько. (*Берет портфель, выходит.*)

С п а с а т е л ь (*Ивану*). Вы тоже доцент?

И в а н. Нет, я Иван Антонов.

С п а с а т е л ь. Прибыли в связи с бассейном?

И в а н. Нет. Имел глупость родиться в этом доме. Я здесь живу.

С п а с а т е л ь (*ходит по комнате, выбирая для чего-то место*). Почему же? Домик неплохой. Мне даже нравится.

И в а н. Какое совпадение! Мне тоже. Только вот порасковыряли его.

С п а с а т е л ь (*успокаивает его*). Сейчас всюду ковыряют – не на улице, так в домах. Вы не волнуйтесь.

И в а н. Теперь волнуйся, не волнуйся – один черт.

С п а с а т е л ь. Да, пожалуй, здесь. Товарищ Антонов, можно вас на минутку?

Оба выходят. Через минуту снаружи доносятся крики Ивана Антонова, который явно с чем-то не согласен: "Нет, нет, что вы, этого еще не хватало!" и т. п. Вскоре Иван со Спасателем вносят металлическую спасательную вышку – такую, какие стоят повсюду на пляжах Черноморского побережья. Она завершается мачтой для флага. Иван и Спасатель останавливаются перед купальной.

И в а н. Вышка-то зачем?

С п а с а т е л ь. Весь вопрос в том, куда ее поставить... (*Оглядывает комнату, примеривается.*) По описи полагается. Без вышки нельзя.

Обеспечивает лучшую видимость. Может, здесь...

И в а н. Послушайте, вы что, серьезно?

С п а с а т е л ь. Нет, давайте лучше поставим ее против окна. (*Переносит вышку на другое место, против окна.*) Вот сюда.

И в а н. Нет, нет, сюда я хочу поставить тахту! Слышите?

С п а с а т е л ь (*ставит вышку, несмотря на сопротивление Ивана*).

Порядок.

И в а н. Послушайте, я ничего не имею против плавания и вообще против спорта, но мне бы не хотелось, чтобы вы обучали тысячи новых пловцов у меня в комнате.

С п а с а т е л ь. Почему, товарищ Антонов?

И в а н. Ну как вам объяснить? Иногда я сплю... иногда хочется побыть одному... Я работаю... Могу помешать пловцам.

С п а с а т е л ь. Не беспокойтесь, товарищ Антонов. У спортсмена, участника соревнований, должна быть здоровая психика. Пусть привыкает.

И в а н. Меня больше беспокоит моя психика.

С п а с а т е л ь (*забирается на мостки, возведенные над римской купальней. Разводит руки и словно готовится к прыжку с вышки*). Надо заниматься спортом, товарищ Антонов.

И в а н. Эй, эй! Он сейчас прыгнет!.. (*Бежит к римской купальне.*) Нет, надо действовать – вот что надо! Не то завтра в этой римской купальне появится еще и шестой американский флот!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в квартире Ивана Антонова. Все в прежнем виде: мостки вокруг римской купальни, развороченный пол, в полу зияют дыры, на металлическом помосте – забрызганные известкой доски, доска перекинута и через бассейн. В одном отверстии Доцент, он продолжает раскопки. В середине комнаты, за купальней, – спасательная вышка. На ее мачте – белый флаг. В нижней части – грифельная доска, на ней шесть черточек мелом. Над вышкой – яркий пляжный зонт. Внизу рядом – катушка с тросом, шары, оплетенные сеткой, красные спасательные пояса. По комнате разбросаны бакены. На вышке сидит Спасатель в желтом купальном халате, ведет наблюдение в бинокль. Рядом с ним – включенный транзистор, слышна музыка.

С п а с а т е л ь. У Ивановых готовят жаркое с луком... Вы любите жаркое с луком, товарищ Ананиев?

Доцент продолжает копать, ничего не отвечая.

У студентки с пятого этажа снова гости. Задергивает занавески. Когда они только учатся, а, товарищ Ананиев?

Доцент молча копает.

С п а с а т е л ь (*продолжая смотреть в бинокль*). Делева разбила еще тарелку. (*Ставит мелом еще одну черточку на доске.*) Седьмую на этой неделе... Вот ведь безрукая... На четвертом ничего особенного, бабка жует яблоко... Вы любите яблоки, товарищ Ананиев?

Доцент копает, не обращая на Спасателя внимания.

С п а с а т е л ь (*опускает бинокль и смотрит на доцента*). Недооцениваете спасателей, товарищ Ананиев. А они, между прочим, тоже люди.

Доцент продолжает молча работать.

Спасти вас, товарищ Ананиев? Хотите?

Доцент молча копает, не отвечая на вопрос.

Странный вы человек, товарищ Ананиев. Не желаете со мной разговаривать. Почему?

Доцент, повернувшись спиной к Спасателю, продолжает копать.

(Некоторое время наблюдает за ним.) Вы копаете – как Гамлет!

Д о ц е н т *(выпрямляется, вытирает пот)*. Что еще за чушь!..

С п а с а т е л ь. Почему чушь? Я смотрел в кино – там было точь-в-точь как здесь. Только череп еще был.

Д о ц е н т. Там череп, а здесь спасатель – у бассейна без воды площадью десять квадратных метров.

С п а с а т е л ь. Спасатель положен по штату.

Д о ц е н т. Переводите народные денежки.

С п а с а т е л ь. Переводим, но хоть спасаем. А вы расковыриваете.

Д о ц е н т. Если вы честный спасатель, вы должны перейти на работу в нормальный бассейн, где хоть вода есть. Пойдите и скажите: мол, произошла ошибка, недоразумение.

С п а с а т е л ь. Я назначен сюда. Что ж мне, самому идти отказываться?

Подавать в отставку?

Д о ц е н т. Настоящий спасатель так бы и поступил.

С п а с а т е л ь. У нас в отставку не подают. Вы слышали когда-нибудь, чтоб кто-нибудь сам подал в отставку? Не слышали и не услышите. Зачем мне быть первым?

Его вопрос остается без ответа, потому что в этот момент в комнату входит Диамандиев. Это пожилой человек, его движения неторопливы, умеренны, он бесцеремонно оглядывает помещение, не обращая внимания на Доцента и Спасателя, которые молча следят за ним взглядом, затем подходит к купальне и наклоняется над ней.

С п а с а т е л ь *(свистит в свисток)*. Над бассейном не наклоняться!

Диамандиев выпрямляется, потом ставит ногу на ступеньку, собираясь спуститься в бассейн.

(Снова свистит.) Гражданам в верхней одежде погружаться в бассейн запрещается.

Диамандиев, мрачно посмотрев на него, выходит из купальни.

Д о ц е н т *(резко)*. Извините, что вам угодно?

Д и а м а н д и е в. Кто вы такой?

Д о ц е н т. Я полагаю, что вы первый должны назвать себя.

Д и а м а н д и е в. Иван Антонов?

Д о ц е н т. Моя фамилия – Ананиев. Доцент Ананиев, руковожу здешними раскопками. Посторонним лицам входить на территорию объекта запрещено.

Д и а м а н д и е в. Эта купальня действительно римских времен?

Д о ц е н т. Вы что, явились сюда, чтобы задавать мне вопросы?

Д и а м а н д и е в. Мне нужен владелец дома – Иван Антонов.

Д о ц е н т. По какому делу?

Д и а м а н д и е в. По личному.

Д о ц е н т. А почему спрашиваете о римской купальне?

Д и а м а н д и е в. А почему бы мне не спрашивать?

С п а с а т е л ь. Вот товарищ Антонов.

Входит Иван, вид у него усталый.

Товарищ Антонов, этот товарищ к вам.

И в а н (*Диамандиеву*). Здравствуйте. А где дельфины?

Д и а м а н д и е в. Какие дельфины? (*Оглядывает купальню, раскопки.*)

И в а н (*Спасателю*). Он разве не из цирка? (*Диамандиеву.*) Вы не из цирка?

Д и а м а н д и е в. Нет.

И в а н. Слава богу. Меня разыскивал какой-то дрессировщик дельфинов.

Хочет, чтоб я сдал ему бассейн. Только дельфинов мне и не хватает.

Д и а м а н д и е в. Моя фамилия Диамандиев, и я хотел бы с вами побеседовать.

И в а н. Пожалуйста.

Д и а м а н д и е в. С глазу на глаз.

И в а н. Как угодно.

Идут налево.

Ц е к о в (*неожиданно высовывает голову из одного из отверстий в полу*).

Антонов, не соглашайтесь!.. (*Скрывается.*)

Оба оглядываются, Иван удивлен, но они идут дальше. Как только Диамандиев начинает что-то говорить, из соседнего отверстия показывается Доцент. Он демонстративно чистит что-то щеткой, но в то же время прислушивается. Иван думает, куда бы отойти, предлагает Диамандиеву взобраться на помост, установленный на козлах против металлической конструкции, по другую сторону купальни.

И в а н. Милости прошу!..

Он идет вперед, Диамандиев за ним. Останавливается посередине, где как будто никого нет.

Д и а м а н д и е в. Я посредник по продаже недвижимого имущества – вы,

может, слышали: Диамандиев. закупил и перепродал пол-Софии.

И в а н. Значит, осталась вторая половина.

Д и а м а н д и е в. Она от меня не уйдет. Работаю масштабно.

Четырехкомнатные, улучшенной планировки, высшей категории. С каминами и кондиционерами. С фонтанами и мрамором, с гимнастическими залами.

И в а н. Спорт укрепляет здоровье.

Д и а м а н д и е в. У меня... *(Останавливается, заметив, что Иван делает ему знаки: внизу, в одном из отверстий, снова показался Доцент.)*

Иван вздыхает, оглядывается и жестом предлагает Диамандиеву пройти по доске и сесть на тахту, которая стоит на металлической конструкции на высоте двух метров над полом.

И в а н. Милости прошу!.. Пожалуйста!

Д и а м а н д и е в. Туда?

Идут по доске, уступая друг другу дорогу, наконец садятся на тахту.

Благодарю вас. У меня, товарищ Антонов, не бывает случайных клиентов. Я беру пятнадцать процентов комиссионных, зато клиент получает именно то, что хочет. Я достаю такие квартиры, какие никто и нигде не достанет.

Мы видим, что Доцент высовывается из прямоугольного отверстия под самой тахтой и слушает. Иван, заметив это, хватается за голову. Диамандиев следит за его взглядом и тоже замечает Доцента. Он хмурится, потом жестом предлагает выход – пройти по тахте, потом по лесенке и выйти из дому, чтобы поговорить спокойно. Так они и делают.

Д и а м а н д и е в *(спускаясь по лесенке)*. Все труднее становится работать.

Они идут к двери, но оттуда показывается Спасатель, который бросает в бассейн оплетенный сеткой шар. Диамандиев и Антонов возвращаются и садятся на стулья у письменного стола.

Антонов.

И в а н. Слушаю...

Д и а м а н д и е в. У меня сейчас есть один клиент – он хочет что-нибудь из ряда вон выходящее. Деньги платит, но требования высокие. Готов выложить крупную сумму.

И в а н. И что ему нужно?

Д и а м а н д и е в. Ваша квартира. Он слышал о купальне.

И в а н. Моя квартира? Вы хотите сказать – вот это поле боя?

Д и а м а н д и е в. Да.

И в а н. Это у него такое хобби – развороченные квартиры?

Д и а м а н д и е в. Нет. Его хобби – покупать. Он может купить нас обоих. Он имеет дело со стройматериалами, и у него столько денег, что мне – даже мне! – неловко назвать вам сумму.

И в а н. Раз неловко – не называйте.

Д и а м а н д и е в. Его жена хочет иметь квартиру с римской купальней. Она слышала, что ваша купальня – единственная в мире.

И в а н. Ага. Но должен вас разочаровать – квартира не продается. То есть вместе с купальней.

Д и а м а н д и е в. На свете нет ничего, что бы не продавалось. Весь вопрос в цене.

И в а н. Дело в том, что эта купальня – единственная в мире. Памятник культуры мирового значения. Институт производит раскопки. Уже дошли до уборной.

Д и а м а н д и е в. Это неважно. С институтом мы будем судиться.

Юридически это возможно – дом частный, есть к чему прицепиться.

Выставим трех адвокатов. Это уж наше дело.

И в а н. Кроме того, работает спасатель от комитета по физкультуре и спорту...

Д и а м а н д и е в. И с физкультурой будем судиться. Выставим трех адвокатов.

И в а н. Сдается мне, что эта римская купальня принадлежит государству.

И человечеству, как говорит доцент.

Д и а м а н д и е в. Будем судиться с государством. И с человечеством, если потребуется.

И в а н. Выставим трех адвокатов?

Д и а м а н д и е в. Да, трех. Не было такого процесса, который бы я не выиграл. Вы только дайте мне письменное согласие на продажу, все остальное – моя забота.

С улицы слышен свисток Спасателя, его крик: "Осторожно! Бакенов не видите?" Вскоре входит и сам Спасатель. В руках – три бакена и письмо.

С п а с а т е л ь. Товарищ Антонов, нам письмо.

Иван читает письмо. Спасатель устанавливает бакены вокруг купальни и на мостках. Дьямандиев деликатно отходит в сторону.

И в а н. Невероятно!

С п а с а т е л ь (*указывая на письмо*). Из райсовета.

И в а н. Невероятно! Битый час объяснял им, в чем суть. Чуть ли не по слогам. Медленно, обстоятельно – что в моем доме открыли римскую купальню, что мне негде жить, что я прошу вмешаться, убрать эту купальню из моего дома... А они пишут: "В ответ на ваше заявление, согласно которому вы желаете открыть в своем доме римскую купальню, сообщаем, что ваша просьба удовлетворена быть не может, как противоречащая пункту третьему параграфа 57-го постановления об ограничении частной инициативы граждан. С товарищеским приветом..."

Д и а м а н д и е в. Подпись, печать...

И в а н. Подпись, печать.

С п а с а т е л ь. Надо было в письменном виде.

И в а н. Да я и письменное заявление оставил. Как же они...

Д и а м а н д и е в. Бык оттого и здоров, что в райсовет не ходит.

И в а н. Нет, это черт знает что!.. Битый час им втолковывал!..

Д и а м а н д и е в. Вы получите крупную сумму. Сразу. А не товарищеский привет!

Ц е к о в (*показывается на секунду из одного из отверстий*). Антонов, не забывайте о швейцарских франках!.. (*Скрывается.*)

С п а с а т е л ь (*бросается к нему*). Ох, кажется, дельфин!

И в а н (*рассеянно, еще под впечатлением письма*). Какой дельфин? Где?

С п а с а т е л ь. Там. Он что-то сказал.

И в а н. Что за ерунда? Дельфины не разговаривают. Я скоро рехнусь!

Д и а м а н д и е в. Вы сейчас дадите мне доверенность или... завтра зайти?

И в а н. Завтра, завтра... Погодите, какую доверенность?

Д и а м а н д и е в. На продажу вашей квартиры.

Ц е к о в (*показывается уже из другого отверстия*). Антонов, не забывайте Лаго ди Комо... (*Скрывается.*)

Д и а м а н д и е в. Знакомый голос!

И в а н. Вот как?

С п а с а т е л ь. Дельфин! (*Кричит возбужденно.*) Настоящий!

Д и а м а н д и е в. Нет, нет, я этот голос знаю! Так когда же, товарищ?

И в а н. Что – когда? Ах да! Не сейчас, только не сейчас, сейчас я не могу, вы видите, какая тут заваруха.

Д и а м а н д и е в. Не раздумывайте! Цены с каждым днем падают, приравниваются к государственным. И что хуже всего – меняется ситуация.

И в а н. Да, да, меняется.

В дверь входит Доцент с заступом в руках и подозрительно смотрит на Диамандиева. Тот как будто смущен и спешит исчезнуть.

Д и а м а н д и е в. Ну, я загляну еще. Завтра! (*Последнее слово произносит шепотом, выходит.*)

Д о ц е н т. Не кажется ли вам, Антонов, что вас посещают весьма сомнительные личности?

И в а н (*показывает на него*). С заступами!

Д о ц е н т. Хочу предупредить: не воображайте, будто вы можете безнаказанно распоряжаться моей римской купальней. Наше государство сумело призвать к ответу немало мещан, которые пекутся только о своих интересах, – оно призовет к ответу и вас.

И в а н. А вы о чьих интересах печетесь? Вы – жертва науки, так, что ли? Жизнь, поставленная на службу человечеству! Никаких выгод, никаких расчетов – бескорыстный труженик!

Д о ц е н т. Современный человек призван действовать, Антонов!

И в а н. Независимо от того, что это за действия?

Д о ц е н т. Цель оправдывает средства. Всегда найдется кто-нибудь, кто оправдает любые действия. Лишь бы цель была достигнута. Я таких, как вы, знаю – сидите и дожидаетесь, пока кто-нибудь обратит внимание на вашу душу, на ее богатство, на ее несметные сокровища. На ваши редкие достоинства, на любящее сердце. Сидите и дожидаетесь... А потом удивляетесь, что женщины на вас не смотрят.

И в а н. Почему это не смотрит? Я бы не сказал.

Д о ц е н т. Действовать надо, Антонов, двигаться!

И в а н. Для вас идеал человека – это тот, кому нужен только бензин, да? Чтобы двигаться, чтобы давить.

Д о ц е н т. Очень вы о себе высокого мнения, Антонов!

И в а н. Не о себе, о человеке. Я ставлю его выше любой купальни.

Д о ц е н т. Ну и на здоровье. А я иду копать в уборную. (*Идет к двери.*) А уборную вы как располагаете – выше или ниже человека?

И в а н. Это смотря по тому, кто в ней копает. В данном случае выше. И берегите унитаз – не то я на вас в суд подам. Трёх адвокатов выставлю. Так ведь должен поступать современный человек, если у него разбивают унитаз?

Он устало откидывается на тахту, которая стоит на помосте в двух метрах над полом. Спасатель сидит на вышке и равнодушно смотрит перед собой.

Черт меня дернул поехать на море летом! То ли дело в январе – и прохладно, и народу нет. И главное – никогда ничего не случилось. В крайнем случае – банальное воспаление легких. Раз в жизни поехал в августе – и вот какая напасть...

Спасатель поднимает на вышке красный флаг, пишет "-12°" и снова спокойно усаживается.

Дом заполнили доценты, бакены... И хуже всего, что неоткуда ждать спасения.

С п а с а т е л ь (*вскакивает*). Спасти вас, товарищ Антонов?

И в а н. Не надоело тебе меня спасать? Спаси доцента.

С п а с а т е л ь (*возбужденно*). Он не хочет. (*Пренебрежительно.*) Что с него взять – образованный...

И в а н. Я тоже образованный.

С п а с а т е л ь. Нет! Вы совсем другой! Вы к людям – с любовью!

Товарищ Антонов, должен же я кого-нибудь спасать, работа у меня такая. А то что получается – бассейн, спасатель, а ни одного человека не спас. Я тоже должен иметь производственные показатели. Не то меня уволят.

И в а н. Но сейчас мне совершенно не хочется, чтобы меня спасали.

С п а с а т е л ь. Отчего ж – самый подходящий момент! На вышке – красный флаг.

И в а н. Нет! На этот раз – нет!

С п а с а т е л ь. И вода ледяная, как раз ногу и сведет.

И в а н. Я не люблю тонуть в ледяной воде. Еще насморк схватишь.

С п а с а т е л ь. Товарищ Антонов, вы ведь хороший человек, вы всегда мне сочувствовали. Давайте я вас спасу, а? Всего пять минут. Товарищ Антонов, ну я вас прошу! Товарищ Антонов, пожалуйста! Ну я вас очень прошу!..

И в а н (*раздраженно*). Ну ладно, давай спасай скорей! Где я буду тонуть на этот раз?

С п а с а т е л ь. Там, за скалами. (*Быстро сбрасывает халат.*)

И в а н. Чур без искусственного дыхания! Прошлый раз ты мне чуть руку не сломал.

С п а с а т е л ь. Я осторожненько, товарищ Антонов.

И в а н (*подходит к бассейну*). Здесь?

С п а с а т е л ь. Да.

И в а н. Прыгать?

С п а с а т е л ь. Прыгайте!

И в а н. Прыгаю. (*Спускается в бассейн и садится на пол.*)

С п а с а т е л ь. Пусть лучше рука будет сломана, но зато человек не погибнет – я так считаю.

И в а н. А без этого нельзя?

С п а с а т е л ь. Такая у меня профессия. Надо тренироваться, не то разучишься. Да и позвоночник свело от сидения.

И в а н. Кричать?
С п а с а т е л ь. Ага.
И в а н (*кричит*). Спасите! Спа-си-те!

Спасатель на вышке хватается бинокль и направляет его не туда, где сидит Иван.

Спасите!

Из кухни прибегают Доцент с заступом в руках.

Д о ц е н т. Что случилось?
И в а н (*мимоходом объясняет ему*). Тону. Спасите!..
Д о ц е н т. Стопроцентные кретины!.. (*Уходит.*)
С п а с а т е л ь. Я вас вижу! Сейчас! Держитесь! Плыву к вам!..
Держитесь!..

Он прыгает с вышки, хватается спасательный пояс и бросает его Ивану. Потом сам кидается в бассейн и имитирует плавание, лежа на доске, переброшенной через бассейн, двигает руками и ногами. Потом хватается Ивана и по ступенькам выносит его из бассейна.

И в а н. Эй, полегче! Хребет переломишь.
С п а с а т е л ь. Нельзя терять ни секунды. Я борюсь за вашу жизнь.

Энергично делает ему искусственное дыхание, Иван под ним кричит.

И в а н. Хватит!.. Хватит!.. Ох, кончай скорей! Хватит! Слышишь или нет?..
С п а с а т е л ь. Кончаю.

Поднимает его, Иван еле держится на ногах, его шатает.

Еще минута, и вы бы утонули.
И в а н. Очень уж вода холодная. Мышцы свело.

Спасатель суетится, бежит за своим халатом, заворачивается в него, в другой закутывает Ивана. Иван сбрасывает с себя халат.

С п а с а т е л ь (*идет к выдвигному ящику, достает оттуда специальный журнал-ведомость*). Теперь распишитесь вот здесь. Так. Спасибо.
И в а н (*растисываясь*). И зачем тебе все это?
С п а с а т е л ь. Такой порядок, товарищ Антонов, сами должны понимать.

Если в спасательной службе не будет порядка... И для отчетности важно. *(замечает у двери человека.)* Глядите-ка, у дверей кто-то стоит.

Пока они занимались искусственным дыханием, в комнату вошел человек, который теперь молча стоит у дверей.

И в а н. Это не насчет дельфинов?

С п а с а т е л ь. Молчит. Больно важный.

И в а н. Постой-ка! Он, наверное, из горсовета. Я там тоже заявление оставил. Они сказали, что пришлют проверить. А мы здесь спасением на водах занимаемся. Пожалуйста, товарищ, пожалуйста, наконец-то. Очень приятно, Иван Антонов. Вот, взгляните, как обстоят дела: ямы, дыры, бассейн – одним словом, битва при Ватерлоо. Уехал в отпуск, возвращаюсь – у меня в комнате обнаружена римская купальня. Эпохи императора Помпилиана, да еще с матронами. Вот они, матроны. *(Показывает.)* Оставил в доме рабочих перестелить пол, они разрыли и... вот пожалуйста – римская купальня. Единственная в мире, уникальный памятник культуры. О ней пишут диссертации, ЮНЕСКО возьмет ее под свое крыло, у нее уже есть спасатель. *(Показывает на Спасателя, тот кланяется.)* Все это прекрасно, но только мне негде жить. Вот к чему это привело. Мой дом заполнили доценты, спасатели, бакены, здесь будут тренировать пловцов... Разрыли мне уборную, подбираются к кухне, переломали мебель – и все это во имя науки. Наука требует жертв – Иван Антонов приносит жертвы. В Монреале нам надо получить десять золотых медалей – Иван Антонов отдувайся...

Человек внимательно слушает Ивана, не пропуская ни слова, достает блокнот, записывает.

Я, конечно, не римская купальня, но неужели и я не имею права на жизнь? На жилплощадь? На внимание?

Человек, соглашаясь с Иваном, молча кивает.

Вы представляете, что будет дальше? Сейчас копают в уборной. Если и там что-нибудь найдут, мой дом превратится в настоящий музей. Натянут красный шнур, повесят объявления на иностранных языках... А мне куда деваться? На меня иностранцы не захотят смотреть, я им без надобности...

С п а с а т е л ь. Это точно, им абы что не покажешь.

И в а н. Вот именно. Прижали меня со всех сторон. Один копает, другой

спасает, третий про Лаго ди Комо толкует... Те, кто копает, квартир не дают, они только раскапывают. Те, кто дает квартиры, не имеют никакого отношения к тем, кто занимается раскопками. А все вместе заявляют, что не имеют никакого отношения ко мне. Вот какая сложилась ситуация, товарищ из отдела жалоб трудящихся. Если и вы ничего не сделаете, возьму да и переселюсь на это чертово Лаго ди Комо, до того мне здесь тошно стало. Согласитесь все-таки, что я не могу поставить тахту в городском сквере. Я писал заявления, давал объяснения, но до сих пор мое дело ни с места. Очень вас прошу – примите меры.

Иван Антонов замолкает и смотрит на посетителя. Тот со своей стороны смотрит на Ивана, чтобы убедиться в том, что он договорил. Убедившись в этом, он снова достает блокнот и что-то в нем пишет. Протягивает блокнот Ивану. Иван берет и читает. Ошарашенно смотрит на человека. Потом, предельно удивленный, переводит взгляд на Спасателя.

С п а с а т е л ь. Что, товарищ Антонов? Новую квартиру дают?
И в а н (*снова, смотрит на человека и читает вслух*). "Я глухонемой от рождения. Не откажите в помощи в размере двух левов. Заранее вас благодарю!"

С п а с а т е л ь (*удивленно смотрит на человека*). А?!

И в а н (*глухонемому*). Что ж ты сразу не сказал?

С п а с а т е л ь. Как же он скажет – ведь глухонемой.

И в а н. В смысле протянул бы сразу записку. А то чего ж я зря распинался?

С п а с а т е л ь. Он видит – вы с ним заговорили, вот и решил дослушать до конца. Чтобы вы не обиделись. Он ведь на два лева рассчитывает.

И в а н. Может, и так. Только у меня нет бумажками – одна мелочь.

(*Глухонемому*.) Извините, а мелочью можно?

Глухонемой подает ему листок.

С п а с а т е л ь. Что он говорит?

И в а н (*читает листок*). Можно.

Занавес

Комната Ивана Антонова, та же обстановка, только спасательная вышка стоит теперь на том месте, где была тахта, – на металлической конструкции возле бассейна. Тахта задвинута под вышку. На вышке, под зонтиком, сидит Спасатель и свистит в свисток.

С п а с а т е л ь. Вернитесь! Назад! Туда нельзя, вы заплыли за бакены. Там неохраемая зона!.. *(Смотрит на кого-то за дверью, кто еще не вошел.)*

Гечев, активист ЖЭКа, входит, руководствуясь командами Спасателя, он сбит с толку.

Куда вас несет? Там самое опасное место, неохраемая зона, подводные скалы... Левей! Меня слушайте, меня! Зачем я сюда поставлен? Чтобы меня слушались! Вперед, стоп! *(Активист останавливается прямо перед одним из отверстий в полу.)* Вот видите! Слушайте меня, двигайтесь дальше, еще, еще... Прыгайте, вы на скале, прыгайте, вот так... Теперь два шага вправо, еще два, слушайте меня!..

Руководствуясь этими командами, Гечев проваливается в одно из прямоугольных отверстий в полу и исчезает. Спасатель, который только этого и ждал, сбрасывает халат, надевает маску, берет в зубы дыхательную трубку и идет к отверстию.

Вот! Я ж вам говорил! Теперь держитесь! Иду на помощь! Плыву н вам!
(Прыгает в отверстие.)

В то же время Гечев вылезает из другого отверстия и, удивленный, прислушивается к крикам Спасателя.

Плыву к вам! Вас вижу!.. Спокойствие...
Г е ч е в. Где вы меня увидели, товарищ?

Спасатель показывается из отверстия, из которого перед этим вылез Гечев, набирает воздух и ныряет снова. Гечев подходит к тому отверстию, в которое он упал, и наклоняется над ним. Оттуда высовывается Спасатель, они крепко стучаются головами.

Ох, сотрясение мозга! *(Хватается за голову.)*

С п а с а т е л ь. И будет сотрясение, раз меня не слушаете. Теперь держитесь!

Он делает ему ногой подсечку, и Гечев падает. Спасатель кидается на него сверху и начинает делать искусственное дыхание.

Г е ч е в. Ох, ох!.. Да вы что... руку... ох, на помощь, ох!

С п а с а т е л ь. Вам нельзя говорить.

Г е ч е в. Ох, поясница... Почему?

С п а с а т е л ь. Прежде всего надо успокоиться. После таких переживаний часто наступает шок. (*Продолжает со свойственной ему энергией делать искусственное дыхание.*)

Г е ч е в. Пощадите!

С п а с а т е л ь (*оставляет Гечева, помятого, полузадушенного*). Вы спасены. (*Бежит к вышке, вытряхивает из уха воду, закутывается в халат.*)

Г е ч е в (*медленно приходит в себя – у него все болит*). Это и есть римская купальня?

С п а с а т е л ь. Она самая.

Г е ч е в. Единственная в мире?

С п а с а т е л ь. Говорят.

Г е ч е в. А вы наш?

С п а с а т е л ь. Чей это-ваш?

Г е ч е в. Из нашего ЖЭКа. Я активист, участвую во всех мероприятиях, а вас не видел.

С п а с а т е л ь. Я спасатель. При бассейне.

Г е ч е в. Вот как? И чем вы занимаетесь?

С п а с а т е л ь. Спасением. Кроме того, я буду обучать здесь тысячи молодых пловцов – эта задача поставлена сейчас на повестку дня. В спорте массовость – основа высокой результативности.

Г е ч е в. И участие актива. Не забывайте про активистов!

С п а с а т е л ь (*достает журнал*). Теперь распишитесь вот здесь.

Г е ч е в. Что это?

С п а с а т е л ь. Документ о том, что я вас спас.

Г е ч е в. Платить надо?

С п а с а т е л ь. Нет. Спасение в нашей стране производится бесплатно.

Г е ч е в. Тогда давайте распишусь. (*Расписывается.*) Вот она, значит, купальня нашего ЖЭКа. (*Смотрит на римскую купальню.*)

С п а с а т е л ь. Это бассейн императора Помпилиана.

Г е ч е в. Прошло то время, когда у императоров были личные бассейны. Теперь это бассейн нашего ЖЭКа. (*Спускается в бассейн и любовно его оглядывает.*) Хорош. И, вы говорите, единственный в мире?

С п а с а т е л ь. Другого такого нет!

Г е ч е в. Значит, ни у какого другого ЖЭКа не может быть такой купальни?

С п а с а т е л ь. Где уж им.

Г е ч е в. Вы уверены?

С п а с а т е л ь. Так говорит доцент.

Г е ч е в. Значит, мы победим в соревновании. Теперь уж наверняка победим. Пусть они макулатуру собирают, а мы открыли единственную в

мире римскую купальню. Какой еще ЖЭК может этим похвастаться?

С п а с а т е л ь. Никакой.

Г е ч е в. Никакой. Ни сорок третий, ни сто седьмой, ни... (*Глядя на матрон.*) Только вот эти, голые... немножко не того...

С п а с а т е л ь. Такая была эпоха. В эту эпоху купались голыми.

Г е ч е в. Вот именно – эпоха. Так я и скажу на комиссии: другая была эпоха, товарищи, эпоха во всем виновата. И о пловцах скажу: здесь наш ЖЭК вырастит тысячи новых пловцов. Это сейчас поставлено на повестку дня!

С п а с а т е л ь. Как это – ваш ЖЭК вырастит?

Г е ч е в. Вы же сказали, здесь будут обучаться тысячи новых пловцов? Не так уж важно, кто их будет обучать. Важно победить в соревновании.

Пусть комиссия увидит, что мы откликаемся, что мы не отстаем от повестки дня. Да, тысячи новых пловцов в бывшем бассейне Помп...

Помп... как бишь его?

С п а с а т е л ь. Помпилиан. Понимаете? От слова "пампушка".

Г е ч е в. Да, понимаю – пампушка. Так и скажу на комиссии. Теперь уж первое место в соревновании нам обеспечено. И тогда, товарищ спасатель, мы получим премию. Знаете, какая премия?

С п а с а т е л ь. Откуда ж мне знать?

Г е ч е в. Экскурсия в Германии.

С п а с а т е л ь. Неплохо.

Г е ч е в. Миксеры там вдвое дешевле, чем у нас.

С п а с а т е л ь. А как же таможня?

Г е ч е в. Активисты не облагаться пошлиной. Мы работаем для общества. По крайней мере я так считаю.

С п а с а т е л ь. Попадешь в лапы таможенников, посмотрю, что ты будешь считать.

Г е ч е в. Это несправедливо. Надо больше доверять общественным организациям. Общественные организации...

Он не доканчивает, потому что в комнату входят Иван и Марта, невеста Доцента. Активист весьма недвусмысленно смотрит на Марту.

М а р т а. Здравствуйте!

Г е ч е в (*смотрит на нее, чуть не облизываясь*). Здравствуйте, здравствуйте!

И в а н (*иронически*). Извини за некоторый беспорядок...

М а р т а. Это не беспорядок, а просто последний день Помпеи.

И в а н. Стиль доцента.

М а р т а (*с упрехом*). Мы же договорились.

И в а н. Прости. (*К Спасателю.*) А что это за товарищ?
С п а с а т е л ь. Еще один спасенный. Из ЖЭКа.
Г е ч е в. Активист! Активист ЖЭКа.
И в а н. Очень приятно.
Г е ч е в. А эта гражданка? Она тоже из нашего ЖЭКа?
И в а н. Нет, она из другого.
Г е ч е в. Жалко. С ней можно было бы работать – видно с первого взгляда. (*Алчно смотрит на Марту.*) Ну, я пойду, не буду вам мешать. (*Смотрит на Марту, потом на бассейн, потом снова на Марту, потом на Ивана.*) До свиданья.
И в а н. До свиданья. (*К Спасателю.*) Твой приятель?
С п а с а т е л ь. Едва вытянул его из водоворота. Все о каком-то соревновании талдычит.
И в а н. Так. И ничего не просил?
С п а с а т е л ь. Нет.
И в а н. Странно. Честно говоря, меня это даже пугает – приходит и ничего не просит.
М а р т а (*вполголоса*). А этот, на вышке, кто?
И в а н. Спасатель. При бассейне. От комитета физкультуры.
М а р т а. Кого же он спасает?
И в а н. Меня. Уже раз пятьдесят спас.
М а р т а. Это ты серьезно?
И в а н. Оформлен сюда приказом. А утопающих, кроме меня, найти не может.
М а р т а. Господи – спасатель!
И в а н. Так-то он неплохой парень.
С п а с а т е л ь. Товарищ Антонов!
И в а н (*к Марте*). Я с тобой, найду только ключ от книжного шкафа. (*Идет к шкафу.*)
С п а с а т е л ь. Товарищ Антонов, можно вас на минутку?
И в а н. Да?
М а р т а. Я поищу ту книгу. (*Идет к груде книг.*)
С п а с а т е л ь. Вы должны мне подарить золотые часы. Можно карманные.
И в а н (*думая, что тот шутит*). Почему? У тебя день рождения?
С п а с а т е л ь (*серьезно, твердо*). Обязаны мне подарить: я вам жизнь спас.
И в а н. Ты что, смеешься? Когда?
С п а с а т е л ь. Сколько раз! Я так и сказал своим начальникам – что в знак благодарности вы подарили мне золотые часы. И теперь им охота на них взглянуть.

И в а н. Ну пошутил – и хватит, мне сейчас некогда.
М а р т а (*кричит из-за мебели*). Здесь страшный хаос, нельзя ничего найти.
И в а н. Там она, там, я сейчас иду... (*Хочет идти.*)
С п а с а т е л ь (*останавливает его*). Вы расписывались в журнале.
(*Размахивает журналом.*)
И в а н (*поражен*). Но ведь я это для тебя, для твоего удовольствия.
С п а с а т е л ь. Ничего себе удовольствие – спасти утопающих.
И в а н. Я пойду к твоему начальству...
С п а с а т е л ь. Это ваша подпись? (*Показывает журнал.*) Ваша. На официальном документе? На официальном документе. А за подделку документов знаете что полагается? Тюремное заключение. Ставя свою подпись, вы обманывали государство, и не один раз, давали ложные сведения.
И в а н. Но это была игра.
С п а с а т е л ь. Хорошенькая игра. Как бы вас за эту игру не упрятали за решетку.
И в а н. Нет у меня золотых часов.
С п а с а т е л ь. Есть – вон, в кармане.
И в а н. Но это же память об отце!..
С п а с а т е л ь. Если вам так хочется в тюрьму – пожалуйста.
И в а н. Может, оно и к лучшему – все равно мне жить негде.
С п а с а т е л ь. А что скажет она?
И в а н. Кто "она"?
С п а с а т е л ь (*показывает*). Марта, невеста доцента. Пока вы будете отдыхать за решеткой, доцент опять ее уведет – он парень не промах.
И в а н. Да... он парень не промах.
С п а с а т е л ь. Женщины не любят кавалеров с подмоченной репутацией.
А вы ведь не хотите потерять Марту.

Спасатель протягивает руку. Иван, пораженный, стоит и думает. Так или иначе, Марта – это единственное, что у него есть, что ему дорого. Он вынимает из кармана золотые часы и молча протягивает Спасателю. Тот подносит их к уху.

Тикают. (*Отходит, натягивая на голову капюшон халата.*)

Потрясенный, подавленный этим происшествием, Иван медленно, опустив голову, идет вдоль бассейна. Еще раз бросает взгляд на Спасателя, снова опускает голову. Спасатель выходит, Иван, погруженный в свои мысли, идет дальше, в глубину комнаты, туда, где Марта, и ему в голову чуть не попадает брошенная в его сторону книга. Он ловко подхватывает ее. Марта бросает вторую, третью, четвертую...

М а р т а (*весело*). Эта?.. Эта?.. Эта?..

И в а н. Нет. Не эта. Не эта... Подожди, убьешь!.. (*Он теперь тоже смеется.*)

В руках у Ивана уже десяток книг, брошенных ему Мартой, она берет из груды книг еще столько же, подходит к Ивану, сваливает их ему на руки и... обнимает его. Они целуются. Руки Ивана заняты книгами.. В эту минуту в дверях кухни появляется Доцент. Он неприятно поражен.

Д о ц е н т. Марта!..

Иван и Марта смущенно разнимают объятия, а затем Иван бросает книги на пол и снова обнимает Марту.

Марта! У меня на глазах!

И в а н. А ты не смотри!

Д о ц е н т. Попрошу не обращаться ко мне на "ты". С вами я еще поговорю отдельно. Я предупредил вас с самого начала, чтобы вы не становились у меня на дороге.

И в а н. Помню, как же. Вы сказали, что от меня останется мокрое место...

И у меня возникло ощущение, что ваши способности бульдозера недостаточно используются в народном хозяйстве.

М а р т а. Что тебе нужно?

Д о ц е н т. Как ты можешь.., у меня на глазах... с этим...

М а р т а. Ответ ты предпочитаешь получить письменно или устно?

Д о ц е н т. Марта!

И в а н. Я пойду поищу книгу. (*Отходит.*)

В ту минуту, когда вошел Доцент, или даже чуть раньше в комнату снова входит Спасатель, закутанный в халат, с капюшоном на голове. Он поднимается на вышку, подносит к глазам бинокль, и тогда появляется Доцент. Спасатель в бинокль наблюдает за разыгравшейся вслед за этим сценой. Иван ложится среди мебели на пол и ищет книгу, ради которой они с Мартой пришли.

М а р т а. Еще вопросы есть? Что-нибудь еще тебя интересует, что-нибудь еще непонятно?

Д о ц е н т (*глухо*). Я думал, что ты хоть немножко меня любишь.

М а р т а. Вот как?

Д о ц е н т. Ты вот тут, во мне...

М а р т а. Вот тут, в тебе – римская купальня.

Д о ц е н т. Нет, ты!..

М а р т а. Обе мы бы не поместились.

Д о ц е н т (*немного подумав*). Хочешь, я брошу все?

М а р т а (*смотрит на него*). Хочу.

Д о ц е н т. Брошу эту купальню, диссертацию – все?

М а р т а. Да. Тогда я тебе поверю.

Иван обернулся, напряженно наблюдает. Сейчас все решится.

Доцент лихорадочно думает, взвешивает – все это в считанные секунды.

Д о ц е н т. Но разумно ли это?

М а р т а. Конечно, нет. Бросить все ради женщины – так бывает только в кино.

Д о ц е н т. Марта, рассуди сама. Эта купальня определит не только мое, но и твое будущее. Диссертация о римской купальне принесет тебе гораздо больше счастья, чем этот заурядный человечиска, который ползает сейчас среди шкафов. зачем мне бросать купальню? Разве мы не можем устроить все как современные люди, чтоб одно не мешало другому, а, наоборот...

М а р т а. Не бросай ее. Копай себе дальше. Я пришла сюда не для того, чтобы портить тебе карьеру, я пришла с Иваном Антоновым.

Д о ц е н т. С Иваном Антоновым! Ты послушай только, как это звучит: Иван Антонов. (*Произносит это имя с презрением.*) Он забился в свою мещанскую скорлупу и знай себе повторяет: дайте мне квартиру. Ему нет дела ни до искусства, ни до науки, его не волнует ничто возвышенное, нематериальное – подавай ему квартиру, он желает жить... Не жить, а прозябать – так будет точнее.

И в а н. Вам, кажется, сказали, чтобы вы шли копать.

Д о ц е н т. А с ним будешь прозябать и ты.

М а р т а. Обо мне можешь не беспокоиться. Слишком поздно спохватился.

Д о ц е н т. Ты думаешь, он может что-нибудь тебе дать? Он будет без конца раздумывать, колебаться, собираться с духом – и ничего не сделает. Никогда. Вам даже жить будет негде. Этого дома ему не видать как своих ушей, это точно, я разворочу его до основания... У него даже денег нет, я уверен...

И в а н. Нету.

М а р т а. Нету.

Д о ц е н т. Марта, ты пропадешь. У тебя не будет никакого положения в обществе. А став женой доцента...

В это время Иван находит книгу, которую они искали.

И в а н. Вот она, нашел.

М а р т а (*подбегает к нему*). Прекрасно. (*Целует его.*)

Д о ц е н т. Значит, вы встречались... все это время...

Иван и Марта не обращают на него внимания, перелистывают книгу, о чем-то говорят... В эту минуту в разговор вмешивается Спасатель, который до сих пор стоял в надвинутом на голову капюшоне, держа у глаз бинокль.

Ц е к о в (*он в халате такого же цвета, как у Спасателя*). Антонов!
Антонов!

М а р т а. А? Это еще кто такой?

Ц е к о в (*откидывая капюшон, открывает лицо*). Можно вас на минутку?
(*Спрыгивает с вышки и подходит к Ивану и Марте.*)

И в а н. Нельзя. Я занят.

Ц е к о в. Антонов, вы упускаете свой последний шанс.

И в а н. Ну и слава богу, больше не о чем будет волноваться.

Ц е к о в. Это же полмиллиона, подумайте, опомнитесь!.. У вас будет сколько угодно женщин... и машин, и всего... Стоит ли ради одной женщины...

И в а н. Давайте не обсуждать этот вопрос. (*Идет вперед вдоль бассейна.*)

Ц е к о в (*прыгает в бассейн, хватая Антонова за штанину*). Антонов!

И в а н. Вы же видите, я занят. Что вы ко мне пристали?

Ц е к о в (*оглядываясь*). Потому что нельзя откладывать, нельзя упускать момент. Если вы не решитесь сейчас – все пропало. Через неделю моего знакомого переводят в "Интеркоммерс". И мы не сможем вывезти купальню.

И в а н (*пытаясь отвязаться от Цекова, проходит дальше вперед*).

Собственную невесту не дадут поцеловать.

Цеков забирается в одно из отверстий и вылезает из-под пола там, где остановились Иван и Марта.

Д о ц е н т. Эта невеста тебе боком выйдет.

Ц е к о в (*высовываясь по пояс из отверстия*). Ладно, мы ее тоже возьмем с собой. Только решайтесь. Скорее.

М а р т а. Да кто он такой?

Ц е к о в. Антонов, время – валюта.

С п а с а т е л ь (*входит, замечает Цекова*). Тонет? (*Цеков скрывается.*)

Утонул!.. (*Бросается к отверстию.*) Хочет лишить меня куска хлеба!

Кидается в погоню за Цековым, они показываются по очереди то из одного отверстия, то из другого.

Д о ц е н т. Вот, значит, как, чужих невест отбиваем, да?

И в а н. Отчего же не отбивать, когда отбиваются?

М а р т а. Не связывайся ты с ним, ведь мы же договорились. (*Доценту.*) Не

забывай, что тебя ждет уборная, – иди копай!

Д о ц е н т. Как ты низко пала...

И в а н (*делает такое движение, как будто собирается скинуть пиджак*).

Ну что, так-таки и не связываться?

Доцент тоже расстегивает пиджак, но потом, осознав, как это бессмысленно, проходит мимо. Иван и Марта направляются к двери, но неожиданно из ближайшего отверстия выскакивает Диамандиев, посредник по продаже недвижимости.

Д и а м а н д и е в. Здравствуйте! Я пришел за доверенностью!

И в а н. За какой доверенностью? Ах да, насчет квартиры.

Д и а м а н д и е в. Клиент в нетерпении. Он набавил сумму. Не хочу говорить при всех, но сумма огромная. Кем вам приходится дамочка?

И в а н. Невеста.

Д и а м а н д и е в (*мимоходом, прищениваясь*). Красивая женщина. Значит, я могу говорить при ней?

И в а н. Как если бы мы были наедине.

В конце этой фразы из ближайшего отверстия высовывается Цеков и слушает.

Спасатель, который гонится за ним, свистит в свисток, Цеков бежит, ныряет в другое отверстие. Спасатель прыгает за ним и тоже исчезает.

Д и а м а н д и е в. А эти что здесь шныряют?

И в а н. Дети природы – играют в пятнашки.

Д и а м а н д и е в. С адвокатами я договорился. Все трое – матерые волки. Небольшая комбинация – и все будет в ажуре. Вы должны усыновить моего клиента.

И в а н. Кого усыновить?

Д и а м а н д и е в. Моего клиента.

И в а н. Сколько ж ему лет?

Д и а м а н д и е в. Пятьдесят девять, но это несущественно.

М а р т а. Ай да сынок!

И в а н. Да ведь усыновлять можно до...

Д и а м а н д и е в. Предоставьте это мне. Я усыновлял и восьмидесятилетних.

И в а н. Ну нет...

Д и а м а н д и е в. Что вас смущает? Это просто юридический маневр. Из самых невинных. В противном случае мы не сможем продать дом именно ему. Вот вам бланки, заполните их, и приступим к делу...

И в а н. Ну уж нет! Этого вы от меня не дождетесь!..

Иван и Марта идут. Диамандиев за ними, на ходу вытаскивая из портфеля

доверенность. То впереди, то сзади них проскакивают Цеков и Спасатель, который продолжает гоняться за Цековым, общий переполох. Иван не знает, куда приткнуться, они с Мартой толкаются то туда, то сюда... Спасатель почти настигает Цекова, который карабкается по лесенке на вышку. В эту минуту слышится голос Гечева.

Г е ч е в. Заходите, товарищи, прошу, сюда, сюда...

В комнату входит Гечев, активист ЖЭКа, в сопровождении трех человек в новых костюмах с портфелями в руках. Это комиссия по проверке итогов соревнования.

Сюда, товарищи, осторожненько, не провалитесь.

Комиссия оглядывается и выстраивается перед римской купальней.

Перед нами самое крупное достижение нашего ЖЭКа.

В эту минуту со стороны кухни появляется Доцент и от удивления застывает на месте.

В результате систематической работы и всестороннего охвата населения, проживающего на территории нашего ЖЭКа, мы обнаружили единственную в мире римскую купальню эпохи императора Помпилиана. Император этот – тоже римский. Уникальный памятник, который даже показывали по телевидению, находится на территории нашего ЖЭКа – нашего, и только нашего. Здесь, на этом месте, единственном в своем роде, мы будем проводить отныне собрания и конференции. Будем собирать утильсырье. Будем встречаться с передовиками труда. Здесь раз в неделю будут проходить заседания товарищеского суда. Можно также установить здесь стол для настольного тенниса. Здесь, в этом бассейне, мы будем готовить тысячи новых пловцов – это поставлено сейчас на повестку дня. На Олимпиаде в Монреале запланировано получить десять золотых медалей по плаванию; на последнем нашем заседании мы решили, что восемь из них должен обеспечить наш ЖЭК.

Иван и Марта стоят около купальни. За ними – Доцент. Напротив них – Дамандиев с портфелем в руках. На лесенке застыл Спасатель. На самом верху, на вышке, стоит Цеков, мрачно уставившись прямо перед собой.

А это товарищ Антонов, он проживает здесь, в непосредственной близости к римской купальне. Товарищ Антонов – наш примерный жилец, аккуратно вносит квартплату, аккуратно участвует во всех мероприятиях. Комиссия рассматривает Ивана так же, как перед этим она рассматривала римскую купальню.

Он передовик сбора макулатуры для нужд нашей бумажной промышленности. *(Показывая на Марту.)* Его супруга, вступившая недавно в коллектив нашего ЖЭКа. *(Показывая на Доцента.)* Слесарь-водопроводчик при римской купальне. Работает на общественных началах!..

От возмущения Доцент садится.

(Показывая на Диамандиева.) Его помощник. Работает сдельно. *(Показывая на Спасателя.)* Активный общественник, отвечает за массовую спортивную работу, обучает тысячи молодых пловцов – наша смена в его руках. *(Показывая на Цекова.)* Душа общественных организаций ЖЭКа. Образец сознательности и дисциплинированности. Пишет лозунги и оформляет стенгазету. А также остальную наглядную агитацию.

Цеков смущенно ухмыляется.

Комиссия, предводительствуемая Гечевым, выходит из комнаты.

Мгновение царит тишина. И вдруг разражается буря – все набрасываются на Ивана Антонова.

Д о ц е н т. Настольный теннис в римской купальне! Антонов, вы за это ответите!

Ц е к о в. Что еще за товарищеский суд? Какой суд? При чем тут суд? Антонов, вы мне обещали!

Под их вопли Иван, пятясь, спускается в бассейн.

И в а н. Я ничего не обещал.

Д и а м а н д и е в. Какие-то конференции! Утильсырьё! Какие у вас для этого юридические основания? Какие юридические основания, я спрашиваю?!

И в а н. Не знаю.

С п а с а т е л ь. Какая молодая смена?! Что за идиотизм – тысячи молодых пловцов! Да здесь же капли воды нет!..

Ц е к о в. Я понес расходы, потерпел моральный ущерб, или идемте, или... идемте!..

Д и а м а н д и е в *(входит в бассейн, вслед за Иваном).* Никуда он не пойдет! Его ждет клиент. Три адвоката. Он отец – он обязан усыновить ребенка.

Ц е к о в. Я потерпел моральный ущерб, меня назвали душой жэковской общественности, я этого так не оставляю!..

Д о ц е н т. Какое варварство! Этого сборщика макулатуры надо поставить

на место!..

Все обступили бассейн, свесились над Иваном, кричат.

Д и а м а н д и е в. Давайте доверенность! Ребенок ждет!

Д о ц е н т. Это я открыл римскую купальню!

С п а с а т е л ь. Приказ о назначении у меня в кармане! (*Хлопает себя по карману.*)

Ц е к о в. Моего знакомого переводят в "Интеркоммерс". Теперь или никогда!

Д и а м а н д и е в. Он – отец! Он обязан усыновить ребенка!

С п а с а т е л ь. Вы не уважаете труд спасателей!

Д о ц е н т. Пусть вернет мне невесту!

Ц е к о в. Мы ее вывезем!

Иван смотрит на них, потом с криком "хватит!" хватается кирку, лежавшую в бассейне, и замахивается. Все застывают на месте.

Тишина, затем слышны крики.

В с е в м е с т е. Не-е-ет!

Ц е к о в. Подумай о культуре!

Д о ц е н т. О человечестве!

С п а с а т е л ь. О спорте!

Д и а м а н д и е в. О своем сыне!

Г е ч е в (*который входит в эту минуту*). Об общественности ЖЭКа!

Г л у х о н е м о й (*входит вместе с Гечевым*). О глухонемых.

Иван снова смотрит на них, потом на Марту и снова замахивается киркой. Тогда все прыгают в бассейн и прикрывают его своими телами. Иван стоит, подняв кирку над головой. Пауза. Затем он опускает кирку, насмешливым жестом протягивает ее Доценту, поднимается по ступенькам, подходит к стене и снимает со стены часы. С часами в руках возвращается, проходит по доске, перекинутой через бассейн. Внизу, в бассейне, все, кроме Марты. Она наверху. Иван улыбается Диамандиеву и делает рукой жест: "Подписаться, а?", идет дальше, имитируя плаванье, повторяет иронически жест Гечева, подает руку Марте, и оба идут к рампе, оставляя всех в бассейне. Внезапно раздается голос Колонки.

К о л о н к а. Антонов! Антонов!

И в а н. Марта, спокойствие! Да?

К о л о н к а. Почему вы идете пешком? Посмотрите, сколько свободных такси!

И в а н. Да? Но нам уже совсем близко.

К о л о н к а. Куда – близко?

И в а н (*смотрит на зрителей*). Да вот сюда, к людям.

К о л о н к а. Куда-куда?

И в а н. Сюда, к людям.

Иван и Марта спускаются по ступенькам со сцены к публике и там кланяются.

Занавес